

ЯРОСТЬ И ГНИ

18+

РОЗАРИЯ МУНДА

Розария Мунда
Ярость огня
Серия «Young Adult.
Драконорожденные», книга 2

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68024702

Ярость огня: Эксмо; М; 2022

ISBN 978-5-04-173507-4

Аннотация

Энни

Меня провозгласили Первой Наездницей Каллиполиса. Когда-то мы с Ли не смогли противостоять своим чувствам, но нам суждено было сойтись в смертельной схватке. Отныне я служу своему народу. В битве против Повелителей драконов мне необходимо заручиться поддержкой опытного наездника, способного говорить на драконьем языке. До захода солнца мне нужно найти его, ведь когда ночь накроет город, битвы уже будет не избежать. Но на чьей стороне тогда окажется Ли?

Ли

Раньше весь мир лежал у наших ног, а сегодня кровь драконорожденных на моих руках. После убийства родных и предательства Первого Защитника, моя жизнь разделилась на до и после. Теперь мне суждено свергнуть Атрея и присоединиться

к группе отверженных – тем, кто стремится подарить жителям надежду на новую жизнь. Предстоит только решить: идти рука об руку с Энни или перейти к тем, кто остановит кровопролитие.

Содержание

1	8
2	26
3	44
4	71
5	93
6	134
7	149
Конец ознакомительного фрагмента.	166

Розария Мунда

Ярость огня

© Жданович А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

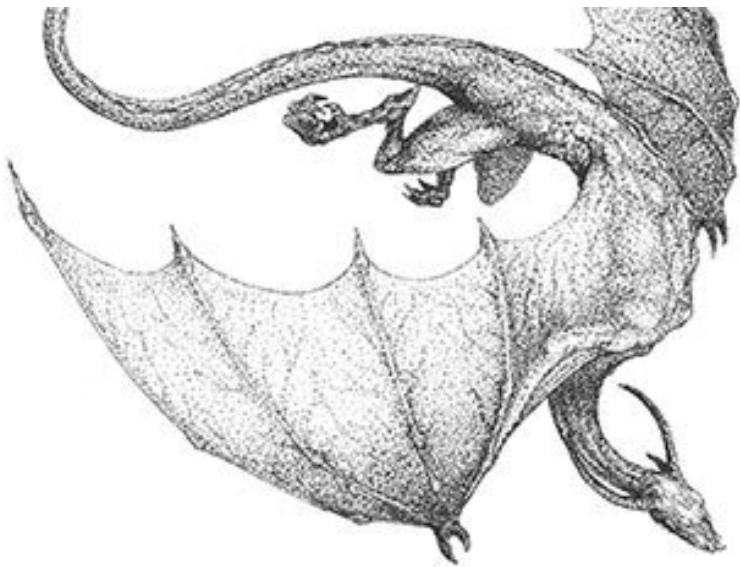

*Посвящается моим отцу и брату,
настоящим мечтателям*

1

Новый Питос

ГРИФФ

Джулия пропала, оставив меня в ужасном состоянии. Холод и сырость только усугубили мое мрачное настроение, хотя на Новом Питосе всегда было холодно и сыро. Я потрошил рыбу в подсобке, примыкающей к логову драконов, ко-

гда появился Скалли.

– Повелитель драконов желает тебя видеть, – сообщил смотритель логова.

И это был отличный способ сделать мой день еще хуже. Брэн и Фионна, два других оруженосца, вместе со мной выполнявших сегодня задачу по потрошению рыбы, обменялись взглядами. Наши руки были по локоть в ошметках рыбьих костей и чешуи, и вонь рыбьего жира будет шлейфом струиться за нами до самого логова, а теперь я еще упусти единственную привилегию, что дает приготовление пищи для драконов, – не смогу утащить остатки домой. Я выпрямился, вытирая руки о замызганную тряпку.

Скалли ненавидел мой безупречный драконий язык, и именно поэтому я старался использовать его как можно чаще.

– Кто из повелителей... – я сделал достаточно длинную паузу, чтобы он помучился в догадках, добавлю ли я что-нибудь еще, – сэр?

Скалли нахмурился. Вот почему он постоянно заставлял меня потрошить рыбу. Грубиян. Не говоря уже о том, что наши кланы люто ненавидели друг друга.

– Тот, кому ты служишь, – ответил он на норише.

В другие дни это стало бы хорошей новостью. Но сегодня я мог только переживать за Джулию.

На балюстраде меня ожидал Дело Небесная Рыба.

Помню, как в детстве меня поразили каллиполийские

ссылные, прибывшие на Новый Питос: своей призрачной бледностью выживших из семейства Грозного Бича и теплым загаром с густыми кудрями повелителей из рода Небесных Рыб. Дело Небесная Рыба больше не походил на лохматого оборванца, приставшего к берегу десять лет назад, но он по-прежнему был ослепителен, а при виде его меховой накидки и аккуратно зачесанных волос я еще острее осознавал, как отвратительно выгляжу.

Я низко поклонился:

– Неожиданная честь для меня встретиться с вами, мой повелитель.

Дело пробормотал в ответ:

– Как обычно.

Я выпрямился, встретившись с мрачным взглядом Дело, который словно понимал, что я пытаюсь вывести его из себя. Он был моим ровесником, немного выше, но намного изящнее.

– Триархи-в-Изгнании желают говорить с тобой.

Я обхватил себя руками, пытаясь унять дрожь от прохладных морских брызг, которыми обдавал меня дующий с моря ветер. Мы казались гномами по сравнению со скалами и Крепостью, возвышающимися над нами, и известняковыми карстовыми столпами, выступающими из моря и устремляющимися в небо.

– Они сказали вам зачем?

Я использовал официальное обращение, но Дело всегда

обращался ко мне на «ты». Когда мы были моложе и я только начинал осваивать драконий язык, он пытался заставить меня и употреблять неформальную форму местоимения, и обращаться к нему на «ты», или, в конце концов, разговаривать с ним на норише, который он в то время изучал, но я отказывался. В испытаниях силы воли я всегда побеждал Дело.

– Они хотят расспросить тебя о Джулии, – ответил он. – Она пропала.

Как будто я не заметил.

– Откуда мне знать, где Джулия?

Дело колебался:

– Иксион рассказал им.

Судя по тому, каким тоном он сказал это, я понял, что не должен интересоваться, что именно сказал Иксион.

Последний раз, когда я видел Джулию, наши губы сливались воедино. В темноте я чувствовал лишь ее улыбку, пока она дергала мою рубашку, чтобы задрать ее выше. Она всегда улыбалась, словно мы играли в какую-то только ей известную игру, а ее забавляла возможность победить.

«Иксион рассказал им».

Я остановился, и Дело тоже замедлил шаг, оглянувшись на меня. По его лицу я прочитал все, что вот-вот произойдет со мной в стеклянном зале. Он не говорит, что ему жаль, а я не говорю: «Иксион не имел права». К этому моменту мне уже не привыкать к унижениям, которым меня подвергал Иксион.

Как, например, направляться в стеклянный зал в качестве любовника-простолюдина Джулии, смердящего рыбой.

И Дело, словно прочитав мои мысли, начал копаться в своем ранце.

– Я принес чистую рубашку.

Практически вся одежда Дело – голубого цвета, цвета его рода, но эта рубашка была простой, белой, как раз подходящей для простолюдина. Но даже она была лучше, чем все, что у меня когда-либо имелось, и которую я, скорее всего, безбожно испачкаю. Я натянул ее через голову и заметил, что Дело наблюдает за мной. Но, увидев мой взгляд, тут же потупил глаза в землю. Аромат, оставшийся на его рубашке, ударил мне в нос.

Я поднимался следом за Дело по наружной винтовой лестнице, высеченной в неприступной скале и выходящей на Северное море, – она соединяла логово драконов, где я работаю, с Крепостью на вершине горы. Оба строения были построены еще во времена первого нашествия аврелианцев, когда они вторглись в Норчию со своими драконами, поработили мой народ и переименовали наш остров в Новый Питос. Чистокровные драконы вскоре после этого зачахли от холода, но повелители прижились.

И сейчас, впервые за несколько поколений, у них снова появились драконы. Двадцать пять, если быть точным, драконов, вылупившихся из яиц, что были привезены с собой изгнанниками из Каллиполиса десять лет назад.

Драконы для мести.

Драконы для выживших сыновей изгнанников. Драконы для сыновей повелителей, на чье радушие они полагались. Титулы для их детей в великом Каллиполисе будущего.

Но сыновей катастрофически не хватало. Изгнанные Триархи были вынуждены предоставить вылупившихся детенышей драконов остальным людям. Драконорожденным женщинам вроде Джулии. Полукровкам, просочившимся с островов-вассалов Каллиполиса, когда-то презираемым за незаконорожденность, а теперь таким необходимым.

Драконы по-прежнему оставались невостребованными.

И потому, пока флот был не до конца укомплектован, драконорожденные прибегли к шагу, в эффективность которого мало кто верил.

Они подарили оставшихся драконов сыновьям и дочерям своих норчийских крепостных.

И драконы сделали Выбор.

Нас называют наездниками смирения.

* * *

Мы с Дело вошли в стеклянный зал, и за то краткое мгновение, которое требуется, чтобы сделать вдох, я осмотрел помещение. Огромное пространство из сплошных окон рифленого стекла открывало вид на карстовые столбы, взметающиеся из Северного моря, а объединенные президиумы драко-

норожденных полуаврелианских правителей и изгнанников из Каллиполиса окружали нас кольцом жестких стульев. В центре восседал Радамантус, полуаврелианец, Великий Правитель Нового Питоса, который после Революции присвоил себе ранее освободившийся титул Аврелианского Триарха. Среди выживших не оказалось других аврелианцев из Каллиполиса, чтобы оспорить данное решение.

В двух креслах по краям сидели самые высокопоставленные наездники Трех Семейств. Иксион Грозовой Бич и Роуд, полуаврелианец, а последнее пустовавшее кресло предназначалось для него – Дело. Три предполагаемых Триарха. Когда Каллиполис восстановится и объединится с Новым Питосом, они будут править втроем.

Я преклонил колени, упираясь ладонями в пол и опустив взгляд на каменные плиты.

Дело заговорил:

– Представляю стеклянному залу моего оруженосца Гриффа Гаресона из клана Наг, наездника смирения из новопитианского флота.

Он по-прежнему стоял рядом со мной, вместо того чтобы занять свое место рядом с Иксионом.

– Добро пожаловать, Грифф. – Мне даже не требовалось видеть говорившего, чтобы представить его: Радамантус напоминал огромного медведя, в чьей красновато-каштановой шевелюре пробивалась седина, а золотистую кожу испещряли морщины. – Иксион сообщил, что у тебя может быть...

секретная информация о Джулии.

Радамантус славился в кланах особой жестокостью, но я обнаружил, что по сравнению с причудами изгнанников из Каллиполиса и их драконов его правление было справедливым, пусть и казалось жестким. Я не сводил глаз с каменных плит между моими ладонями.

– Боюсь, господин Иксион ошибся, Ваша Светлость. Леди Джулия никогда не относилась ко мне как к доверенному лицу.

Иксион фыркнул. Сын Радамантуса, Роуд, во всем подражающий Иксиону, тоже усмехнулся.

До моих ушей донесся голос леди Электры, в котором звучало неприкрытое презрение. Она – двоюродная бабушка Иксиона и Джулии, вдова Грозового Бича, который погиб еще до Революции, и решение о наборе норчийских наездников никогда ее не устраивало.

– Меня всегда настораживает, когда они слишком хорошо говорят на драконьем языке.

Дело оставался, слегка покачиваясь, стоять рядом со мной. Я поднял руки, требуя разрешения говорить:

– Леди желает, чтобы я говорил на норише?

– Нет уж, благодарю. Это пустая трата времени, Радамантус.

– Я не верю ему, – сквозь разговоры старших долетел до меня голос Иксиона. Холодный и уставший, словно слова наскучили ему в тот же момент, как он их произнес. За долгие

годы тренировок с ним я привык к тому, что от одного лишь звучания меня прошибал холодный пот.

Голос Иксиона ассоциировался у меня с различными неприятными эмоциями: болью, страхом, унижением.

– Пораскинь мозгами, Грифф, возможно, ты все-таки что-то слышал, когда она путалась с тобой...

– Иксион, – резко одернул его Радамантус.

Роуд, уловив, к чему клонит Иксион, решил тоже вступить в игру.

– А как Агга? – спросил он. – Возможно, она поможет тебе вспомнить? Мы можем притащить ее сюда. Вместе с выводком.

Я заметил, как мои пальцы сжимаются на каменном полу. Ждал, что кто-нибудь добавит: «Это не обязательно», но все продолжали молчать.

Обычно в наездники брали норчианцев, у которых имелись семьи. Иксион с Роудом давно уяснили зачем. И быстро прознали имя моей сестры.

До меня донесся тихий, напряженный голос Дело:

– Грифф, ты подумай. Хоть что-нибудь сказанное Джулией, что показалось тебе... странным?

Странным. Джулия всегда отличалась непредсказуемостью, и слово «странный» даже применять по отношению к ней было бессмысленно. Но затем кое-что пришло мне на ум.

– Недавно она писала письмо.

– И?

Полуодетая, Джулия сжалась за письменным столом, а ее длинные волосы, распущенные на ночь, рассыпались по плечам. В тот момент я заметил, как ее ночная рубашка соскользнула с плеча, обнажив соблазнительный изгиб испещренной шрамами от ожогов кожи. Услышав мои шаги, она подпрыгнула и обернулась, прикрыв одной рукой письмо. Но когда заметила меня, успокоилась: «*О. Это ты. Иди ко мне...*»

– Она не хотела, чтобы кто-то видел его.

Радамантус наклонился вперед, и кресло заскрипело под его весом.

– Но ты его видел? Видел, кому оно адресовано? И что в нем написано?

Я действительно видел его. Мог рассмотреть, лежа на ее кровати. Она оставила его незапечатанным на письменном столе, когда увлекла меня в свою постель. Развернутое, выставленное на обозрение передо мной, письмо, которое она не хотела, чтобы кто-нибудь увидел.

– Я не...

Я вцепился пальцами в каменный пол, объяснение вертелось у меня на языке, хотя для этого не было никаких оснований. Я выжидал, что кто-нибудь еще вспомнит про это, но, как ни странно, никто ничего не помнил. Как будто я слишком хорошо говорил на драконьем языке, чтобы они помнили и ассоциировали со мной законы, которые их люди навязывали моему народу силой. Дело, стоявший рядом со мной,

поежился, словно понял, какие мысли крутятся в моей голове. Но Иксион опередил его. В его голосе прозвучала смесь из раздражения и насмешки:

– Грифф не умеет читать.

Я услышал голос молчавшего до сих пор господина Нестора:

– Это бесполезно, Радамантус. Я же говорил, что мы просто потеряем время, допрашивая этого юношу...

Нестор – отец Дело и наш инструктор по строевой подготовке – весьма строг со своими наездниками в воздухе и еще строже на земле. Он был небесным вдовцом, наездником, потерявшим своего дракона. Дело говорил, что это потеря, от которой он никогда не оправится, и именно в ней кроется причина непростого характера отца.

Однако я был абсолютно уверен в том, что Нестор в любом случае выбрал бы меня в качестве мальчишки для битвы.

С трудом сдерживая гнев, я процедил сквозь зубы:

– Она выглядела взволнованной. После. Говорила о... семье. И преданности.

Пальцы Джулии, запутавшиеся в моих волосах, бездумно распрямляющие кудри, наши тела, сплетенные вместе под легкими как пушинка одеялами, которые и не снились моей семье. *«Ты бы всегда любил свою сестру? Даже если бы она тебя предала? Что бы ты сделал, если бы она предала тебя?»*

Странная, неожиданная влага, появившаяся на моем пле-

че, показалась настолько противоестественной, что поначалу я даже не понял, что происходит. Не понял, что Джулия плакала.

Радамантус барабанил пальцами по подлокотнику кресла.

– Думаешь, она писала Лео, кузену, который служит наездником узурпатора? Мы запретили ей общаться с ним после его последнего отказа.

Дело снова вступил в разговор, и его тихие слова прозвучали так, словно он только начинает осознавать, что происходит:

– Джулия хоть раз слушалась, когда ей что-то запрещали?

Его слова встретила тишина. Как будто все присутствующие тщательно взвешивали этот аргумент. А я по-прежнему стоял перед ними на коленях, как живое тому доказательство.

Безжизненный голос Иксиона донесся до меня, нарушая воцарившуюся тишину:

– А тебя не посещали мысли доложить об этом раньше, Грифф, а?

Я поднял голову, чтобы взглянуть на него. Лицо Иксиона – продолговатая, испещренная морщинами копия лица Джулии: с теми же угольно-черными волосами, горящими глазами на бледном лице и тонкими губами, с которых так часто срывался смех. Но если смех Джулии звучал жестоко из-за беззаботности, то смех Иксиона просто был всегда жесток.

«Не говори».

Но я не смог сдержаться:

– Я думал, мне не пристало рассказывать о делах Первой Наездницы с ее Альтернусом.

На мгновение единственными звуками в зале стали приглушенные крики чаек, доносившиеся сквозь окна, и эхо моих безрассудных слов, отскакивающих от стеклянных стен.

Иксион вскочил с места, и его мантия всколыхнулась в воздухе:

– Гаресона стоит выпороть за подобный тон.

Хотя мне следовало испугаться, но я чувствовал лишь ярость. *«Сделай это, Иксион. Спустишь на землю. Это единственное место, где ты сможешь победить меня».*

Дело, стоящий рядом со мной, сделал полшага вперед, чтобы встать между Иксионом и мной. Еще одна ошибка: меньше всего Нестору нужны были новые причины подозревать, что его сын симпатизирует нижестоящим.

– Хватит, – заявил Радамантус. – Мы попусту тратим время. Необходимо организовать поисковые отряды и отправиться на юг.

* * *

Я не всегда считался оруженосцем Дело. Поначалу я служил Иксиону.

Иксион был весьма изобретателен в своей жестокости. *«Хочешь знать, где я этому научился?»* – спрашивал он.

Ответ никогда не менялся, даже если был далек от истины. *«В Дворцовый день. От престолюдинов вроде тебя, в Дворцовый день».*

К тому моменту, как об этом прознали Джулия и Дело и сообщили отцу Дело, жестокое обращение со стороны Иксиона дошло до такой степени, что мои травмы начали мешать полетам. Нестору Небесной Рыбе не было дела до благополучия наездников смирения, однако его заботило благосостояние флота. Меня отправили в подчинение к Дело, посчитав, что Иксион не заслуживает оруженосца.

И Иксион так и не простил этого ни мне, ни Дело.

Покинув стеклянный зал, мы с Дело направились к пристройке изгнанников в Крепости, известной как Временный Дворец. У каждого из Трех Семейств имелась своя собственная оружейная с внутренним входом в логово драконов.

– Это было опрометчиво, – пробормотал Дело, увидев, что оружейный арсенал Небесных Рыб опустел и мы остались одни. – Не стоило тебе давить на него, пользуясь своим положением.

– Я не могу давить на него. И нет у меня никакого положения.

Наездники смирения не участвовали в турнире на звание Первого Наездника. Дело вздернул бровь. Словно знал, что я специально веду себя глупо.

– Джулии здесь нет, чтобы защитить тебя, – сказал он.

«Думаешь, я этого не знаю?»

Наше снаряжение было развешено на крюках вдоль каменной стены. Я отправился снимать доспехи Дело, пока он натягивал свой огнеупорный костюм. Совсем недавно я отполировал до блеска его доспехи, на которых сияют лилии рода Небесной Рыбы. Я уже несколько лет служил оруженосцем Дело, но спустя все эти годы помогать ему облачаться в доспехи стало куда более неловким занятием. Он практически всегда молчал. Я же говорил без умолку.

– Каким он был? – спросил я, защелкивая пряжки и затягивая ремни на его доспехах. – Лео? Вы, должно быть, знали его раньше.

Дело сосредоточенно рассматривал стену через мое плечо.

– Я всегда думал, – ответил он, и в его голосе послышалась боль, – что у Лео доброе сердце. Но до Дворцового дня я думал так и об Иксионе.

Когда он полностью облачился в доспехи, я отступил в сторону, и он немного расслабился. Я поспешно натянул свой огнеупорный костюм, доставшийся мне от Дело, который жмет в плечах и длинноват в ногах, но вполне пригоден. Затем я собрал все наше снаряжение и спустился следом за Дело по извилистой лестнице в высеченное в скале логово, куда из узких окон, выходящих на морскую гладь, пробивался дневной свет. Стойла наших драконов располагались рядом, и Дело всегда старался сопроводить меня вперед, к моему Спаркеру, хотя и приветствовал свою Гефиру, самку

дракона породы небесная рыбка, щелкая языком.

Спаркер, как и все драконы норчианских наездников, был скован цепями и намордником.

Намордник – мера предосторожности. Мера предосторожности, принятая потому, что мы обычно вспыхивали. Я был бы польщен, если бы от этого мы со Спаркером не чувствовали себя такими жалкими.

Намордник снимать не позволялось, но цепи – да, ключ от них носил с собой Дело.

Я уже привык к этому, – хотя одному богу известно, сколько лет мне для этого потребовалось, – но, даже несмотря на это, вид Спаркера, пыхтящего в наморднике и задыхающегося от стягивающего шею ошейника, когда он пытался добраться до меня, по-прежнему причинял боль. И Дело, словно понимая это, всегда загораживал собой зрелище. Он отстегивал с него цепи, успокаивая ласковыми бормотаниями. А затем отпрыгивал в сторону, когда освобожденный Спаркер несся ко мне.

Спаркер – дракон породы грозových бичей, *мой* грозовой бич, черный, словно ночь, огромный и чрезмерно энергичный, – так сильно прижался ко мне, когда я обнял его, что едва ли не сбил меня с ног. Размах его крыльев, гордость воздушного флота, уже был настолько велик, что когда он расправлял крылья, то они упирались в каменные стены по обе стороны от нас.

– Я тоже скучал, – пробормотал я.

Он рыкнул – единственное, что позволил сделать намордник, – и я крепче прижался к его телу, в который раз сокрушаясь, что не могу сорвать с него эту проклятую штуковину. Намордник не стягивал челюсти, чтобы он мог спокойно есть, но не изрыгать пламя. Я погладил местечко, где ремни намордника натирали чешую, отчего он издал едва слышный, умоляющий рык, от которого у меня все внутри сжалось от боли.

– Знаю.

Я часто раздумывал о том, как было бы проще для Спаркера, меня и Триархов в том числе, если бы он сделал Выбор в пользу другого наездника. Драконорожденного, а не норчианца. Тогда я жил бы жизнью обычного крестьянина: удил бы рыбу, как отец на судне полуаврелианцев, безвременно почивший во время шторма в Северном море. Тогда Спаркеру не пришлось бы носить цепи и намордник.

Но Спаркер, похоже, никогда не винил меня за это, и хотя он превращал мою повседневную жизнь в ад, я никогда ничего другого, кроме гордости, не испытывал от осознания того, что Спаркер принадлежит мне, а я – ему.

Большинство драконорожденных затаили на нас обоих обиду за это.

Дело наблюдал за нами, и что-то вспыхнуло в его глазах, но, увидев, что я смотрю на него, снова отвел взгляд.

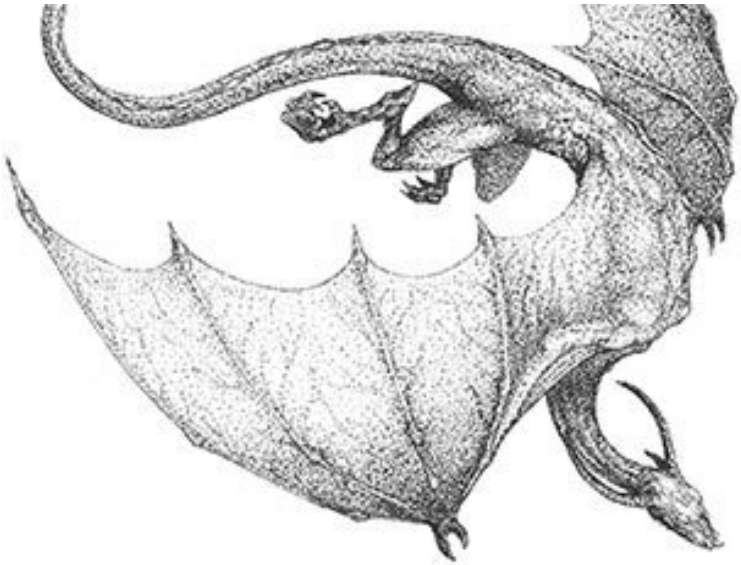
Я молча оседлал Спаркера, подхватил копьё с щитом и последовал за Дело к выходу из драконьих конюшен, а затем

взмыл в воздух над бушующими снизу волнами.

Мы направились на юг на поиски Джулии.

2

Первый Наездник и Альтерна

ЛИ

Минуло пять часов, как я убил свою кузину.

В лазарете находились посетители. Крисса. Кор. Энни, чье лицо окружал нимб света из дверного проема, пробыла совсем недолго. Слишком много обезболивающих и снотвор-

ных. И вот я снова оказался один, но неизвестно где.

Шесть. Мы с Джулией играем в дворцовых садах. Наши отцы – Повелители драконов; весь мир лежит у наших ног, и мы не сомневаемся в том, что однажды станем столь же великими, как они. Когда мы хохочем, то делаем это до болей в животе. Когда кричим, то делаем это так громко, чтобы слышал весь мир. А когда изображаем убийство и притворяемся мертвыми, это кажется нам захватывающим, восхитительным и веселым.

Семь. Мы стоим в нашей семейной гостиной, и я наблюдаю, как кровь впитывается в ковер. Салон сужается до пространства, куда я могу смотреть, а куда не могу повернуть даже голову. Вокруг раздается так много воплей, что я их не слышу. Кто-то говорит мне на языке, который я едва понимаю: «Не отворачивайся. Смотри. Смотри, как они получают то, что заслуживают». Моя последняя сестра перестает бороться. Нож, занесенный для удара, сверкает. Доводы отца иссякают.

Отец стоит на коленях перед Атреем, умоляя: «Прошу тебя, сын мой».

Восемь. В приюте всегда стоит жуткий холод. Рыжеволосая девчушка, что слишком мала, чтобы справиться с детьми постарше. Я защищаю ее. Я знаю имя девочки. *Энни*.

Девять. Я стою на площади, наблюдая, как казнят дракона моего отца. Оказываюсь во дворе, где слышу слова Энни: «Тот дракон убил мою семью».

Десять. Дракон смотрит мне в глаза и делает Выбор в мою пользу. Атрей смотрит мне в глаза и видит лишь сироту-простолюдина. Энни смотрит мне в глаза и хранит секреты, которые мы доверили друг другу.

Вперед, вперед, вперед. Счастье, накатывающее волнами, когда ты чувствуешь, что мчишься в будущее, когда забываешь. Пока не исполняется семнадцать лет. Крылья на горизонте, моя семья, восставшая из мертвых, возвращение позабытых надежд. Кузина Джулия, что улыбается мне через стол в кабинке полутемного паба, рассказывая, как сильно я похож на мать и как она скучала по мне.

Энни, стоящая перед разрушенным отчим домом и падающая на колени, наглядно демонстрирующая, как раб склоняется перед господином, моля о пощаде. Ее пальцы обводят следы, оставшиеся от пламени дракона моего отца.

Джулия сюр Эринис в воздухе. Мы с Пэллором сражаемся против них.

Огонь.

Шлем Джулии валяется у моих ног на крепостной стене. Атрей, который положил ладонь мне на лоб, словно желая избавить меня от ран, прошлого, от моих преступлений.

«Встань, сын Каллиполиса».

– Ли?

Солнце давно зашло, но даже во тьме я распознал силуэт склонившейся надо мной Энни. Я узнал прикосновение ее ладони к моему лицу, аромат дыхания, теплого и родного. И

непонятные мне звуки, как будто кто-то плачет. А затем я сглотнул вставший в горле ком, и звуки утихли.

Энни откинула простыни и свернулась калачиком на постели рядом со мной.

Кажется, будто кто-то пытался говорить за меня:

– Я вернулся к тебе. – Мой голос показался мне незнакомым, хриплым и натужным, словно я пьян.

Я услышал ее, почувствовал, впитал.

– Знаю. Я знала, что ты вернешься. – Она обняла меня, как когда-то обнимал ее я.

– Энни, тело...

Ее пальцы скользнули по моему лицу:

– Я собираюсь вернуть ее.

– Они позволили тебе?

В течение нескольких мгновений Энни не произнесла ни слова. А затем в ее голосе проявились стальные нотки:

– Не беспокойся об этом.

– Не знал, что ты такая... нарушительница правил.

Она шмыгнула носом, но этот звук больше напоминал фырканье. Я почувствовал, как ее губы коснулись моего лба.

– Ты и половины не знаешь.

После этого кошмаров становится меньше. Ароматы, тепло ее тела удерживали меня подобно якорю, когда течение начинало относить меня все дальше. Когда у меня не получалось вспомнить, зачем я сделал то, что сделал, и когда не получалось отыскать причины, благодаря которым я превра-

тился в того, кто убил своего кровного родственника.

Ее губы коснулись моих губ осторожно, словно она просит меня что-то вспомнить.

«Мы монстры. Даже если они называют нас иначе».

Я ощущал сладость губ, языка, выпитывал ее в себя, словно хотел утонуть в ней. Я поступил так ради этого. Ради нее. Ради Энни в моих объятиях.

Хватит ли этого?

Стоит ли той пропасти, преисполненной страданием, когда Эринис пронзительно оплакивала потерю Джулии?..

Лучи предрассветного солнца пробились сквозь занавески больничного окна, и Энни беспокойно зашевелилась рядом со мной.

– Пора. Я должна сделать это сейчас. Ли... есть кое-что. Я должна рассказать тебе, прежде чем уйду.

Она высвободилась из моих объятий и помогла мне сесть. Любое движение, даже самое незначительное и осторожное, обжигало подобно пламени. Мы держались за руки, ее лицо находилось так близко к моему, а примятые рыжие волосы мягкими волнами обрамляли лицо, где на щеке отпечатался след от подушки.

– Атрей появился там со своей Стражей, потому что... он не хотел, чтобы ты вернулся из Крепости.

Я взглянул на нее, пытаюсь понять, почему она так считает или что все это значит, и она снова продолжила говорить.

Рассказывать о Дворцовом дне.

Ей пришлось повторить дважды, чтобы я ее понял.

«Атрей не спасал твою жизнь в Дворцовый день».

– Нет, он сделал это, он говорил...

– На каком языке он отдал приказ солдату, Ли?

Она посмотрела на меня в ожидании ответа.

На каллийском. Языке, которого я практически не знал, пока она не взялась обучать меня.

Я пытался побороть захлестнувшую меня панику, вспоминая то, что было произнесено на драконьем языке.

– Но перед этим отец просил его, и он пообещал отцу...

Слезы застыли в глазах Энни. Я посмотрел на ее опухшее от слез лицо и прочитал на нем все, о чем она думает, о чем вспоминает. О чем не может сказать вслух.

Что пустые слова призваны утешить умирающего.

Я выдернул руки из ее ладоней.

– Если Атрей не хотел, чтобы я вернулся после дуэли, – начал я, убеждая себя в том, что это нелепо, зная, что это нелепо, пусть и слышал дрожь в своем голосе, – зачем нужны были свидетели?

Пальцы Энни сжались на коленях.

– Я привела свидетелей, – прошептала она. – Я не придавала тогда значения этому приказу.

На мгновение в воцарившейся тишине слышался лишь звон колоколов на ратуше, отбивающий четверть часа.

«Встань, сын Каллиполиса».

Энни взглянула на меня полными слез глазами. Ожидая.

А затем до меня долетел звук моего собственного дыхания, когда я попытался сделать глоток воздуха.

Энни снова хотела взять меня за руки, но я отмахнулся от прикосновения.

– Ли...

– Я убил Джулию ради человека, который желал мне смерти?

– Ты сделал это не ради него...

От ее слов нервы, натянутые как струна, треснули, и я разразился смехом, который совсем не походил на мой привычный смех.

– Потому что я сделал это ради тебя? – Мой громкий голос, напоминающий раскаты грома, отскочил от выкрашенных белой краской стен. Энни поморщилась от громкости. Следующие слова я произнес медленно и отчетливо: – Ты знала?

У Энни сорвался голос:

– Нет! Я не знала, когда Атрей спрашивал меня, пойдешь ли ты на это... я поняла только после...

– Атрей спросил тебя, сделал бы я это?

Энни, побледнев, замерла. Словно зашла слишком далеко на лед. А затем сделала дрожащий вдох, словно осознала, что не может остановить себя.

– Он спросил, думаю ли я, что ты способен на это, – прошептала она, – и я ответила, что способен.

– Потому что знала, что я вернусь к тебе. – Она отшат-

нулась от собственных слов, вернувшись обратно, которые прозвучали как пощечина.

И внезапно то, что я считал желанием при взгляде на нее, изменилось.

Кровь моей кухни, моей родственницы, была на моих руках. Меня послали на эту дуэль, словно хотели принести в жертву. Мой отец был потерян для меня во всех возможных смыслах, в каких только можно потерять любимого человека.

А теперь для меня потерян и Атрей.

И все это, все эти страдания воплотились в тощей девчонке с копной спутанных рыжих волос и россыпью веснушек, в этой рабыне...

Которая все требовала, требовала и требовала что-то от меня, пока от меня ничего не осталось, и по-прежнему ждала, что я вернусь к ней.

– Ли?..

Энни медленно отодвинулась, словно от дракона, втягивающего в себя воздух. И я почувствовал, как обжигающий ком в горле становится больше, с какой силой давит на мое нутро. Мои слова прозвучали скованно и нерешительно:

– Я думаю, тебе следует уйти.

Она поднялась на ноги, и на лице ее отразился страх, но мне показалось, что это не страх вовсе, а удовлетворение.

– Я собираюсь вернуть тело Джулии, – проговорила она.

Неужели она ждет от меня благодарности?

При мысли о чертовой абсурдности происходящего я вдруг ощутил, как на лице расплывается странная и чужая улыбка.

Энни, заметив эту улыбку, съежилась.

– Мне жаль, Ли... – Слова сорвались с ее губ и повисли между нами.

– Убирайся.

ЭННИ

Прошло меньше суток с того момента, как Ли сюр Пэллор провозгласил меня Первой Наездницей и Командующей Флотом Каллиполиса. Несколько часов назад он убил свою кузину и подругу детства на дуэли, чтобы доказать преданность режиму, уничтожившему его семью.

Восемь лет прошло с тех пор, как он узнал о том, что его отец убил моего.

Девять лет с тех пор, как мы стали друзьями.

Десять минут, как он выдернул свои ладони из моих и ошетинился на меня так, что у меня волосы на затылке встали дыбом.

«Его тело заперто в клетке, – уверяю себя, – он лишь пленник».

Я покинула больничную палату, чувствуя на себе навязчивый аромат огня дракона Джулии. Я отмахнулась от безразличной улыбки Ли, снова и снова возникающей перед моим мысленным взором. Отогнала мысли о чувстве вины, о своей

ответственности за страдания юноши. Я не могла позволить себе эту роскошь, не могла отвлекаться на чувство вины, боли или печали.

Я должна сосредоточиться на том, что могу контролировать.

Я пока не получила разрешения. Когда поинтересовалась у генерала Холмса о возвращении тела Джулии, он сказал, что этот вопрос сначала надобно хорошенько обдумать.

Но у нас не было на это времени. Шел уже второй день. И я собиралась вернуть тело, пока это еще можно было сделать с достоинством.

Я поговорю с Холмсом.

Мне потребуется любая поддержка, чтобы возратить ее тело. Проходя по спящему Дворцу, я обдумывала возможных кандидатов. Ли дисквалифицировал себя, назвав меня Первой Наездницей и Командующей Флотом, выдвинув нас с Аэлой на передовую военных действий против Повелителей драконов, когда-то испепеливших мой родной дом.

Возможно, Ли был не готов возглавить наступление, но я – готова.

Возвращение тела Джулии вовсе не услуга для Ли: это возможность заявить Новому Питосу о своем имени.

Подкрепление. Им должен стать опытный наездник, кто-то из Четвертого или по крайней мере Восьмого Ордена, способный прикрыть меня в случае опасности. Этот человек должен бегло говорить на драконьем языке, что станет пре-

имуществом, а не недостатком. А поскольку я впервые делала выбор в качестве постоянной Первой Наездницы, этот выбор должен расширять, а не ограничивать мой авторитет в корпусе Стражников.

В былые времена Обитель кишела Стражниками, трапезничающими, учащимися и спорящими в солярии. Пока не появилась угроза со стороны Нового Питоса. Теперь же те, кто не дежурил в ночную смену, отправлялись патрулировать северное побережье, а те, кто не участвовал в патрулировании, следили за распределением продовольствия в городе. Я переделалась в опустевшем арсенале и направилась в логово драконов.

Аэла свернулась калачиком в гнезде Пэллора, теснее прижавшись к нему, словно страдания Ли просочились сюда сквозь каменные плиты и слились с его драконом, и она, чувствуя это, ищет способ утешить его. Я издаю приветственный рокот, и Аэла тут же вскакивает, резко распахнув крылья и изгибая хвост. Пэллор же, заметив меня, только раздувает ноздри. В свете факелов его чешуя отливала серебром, в то время как янтарная чешуя Аэлы источала теплое сияние. Мне пришлось встать на цыпочки, чтобы набросить седло ей на спину и проделать еще одну прорезь в подпруге, чтобы затянуть ее под крыльями.

– Ты становишься слишком огромной для меня.

Я посмотрела на Аэлу и Пэллора, почти совсем взрослых и уже вспыхнувших, и задумалась – как задавалась вопросом

всякий раз, находя их в одном гнезде в обнимку, – когда же она начнет откладывать яйца. Новые яйца, еще больше драконов, будущее Каллиполиса. Аэла удовлетворенно фыркнула, выпустив из ноздрей облачка дыма и услужливо припав к земле, чтобы я могла поставить ногу в стремя и запрыгнуть в седло.

– Она вернется, – сообщила я Пэллору.

Аэла развернула крылья, словно паруса, и подпрыгнула в воздух. Ощущение уносящейся прочь земли наполнило меня знакомым облегчением, и я давно перестала различать, кому из нас двоих, мне или Аэле, оно принадлежит. Мы скользили по темному коридору к расщелине Огненной Пасти, что виднелась в центре внутреннего Дворца, и наконец-то взмыли вверх, направляясь к солнечному свету. Дворец, арена, карстовые столпы Крепости, город, уменьшающийся до точки на карте, – все проносится под нами. Осенний ветер хлестал меня по щекам, и я вдохнула его полной грудью.

Через мгновение Аэла приземлилась на другом берегу реки, на центральной площади Саутсайда, где стражники раздавали продовольственные карточки горожанам.

Сегодня за распределением следили Пауэр сюр Итер и Рок сюр Баст. Это было не слишком популярное у стражников задание: граждане прознали, что среди металлических сословий распределение продовольствия происходило неравноценно, отчего на площади царило гнетущее напряжение,

пока люди пристально разглядывали браслеты на руках друг у друга. Несмотря на мрачный, не суливший ничего хорошего вид граждан, которые ожидали своей очереди, на лице Пауэра застыло скучающее выражение. Он лениво развалился в будке, пока его дракон кружил на безопасном расстоянии вместе с драконом Рока. Рок выглядел куда менее непринужденно, и каждый мускул его массивного тела был скован напряжением. Я спешила и, похлопав Аэлу по боку, отпустила ее в небо, где она присоединилась к Итеру и Басту. Ее красноватая аврелианская чешуя ярким пятном выделялась на фоне их черных массивных тел, отличающих породу грозового бича, а крылья казались крошечными по сравнению с их широченными крыльями.

Рок, прищурившись, окинул меня взглядом:

– Как... – Он тут же умолк и залился краской.

Из всех нас Рок тяжелее всего воспринял известие о том, что Ли родом из драконорожденных. И я не могла винить его за это: мы с Роком были горцами и бывшими крепостными Дома Грозового Бича, и даже мне потребовались годы, чтобы свыкнуться с мыслью, что я дружу с сыном человека, причинившего вред моей семье. У Рока же была всего одна неделя на размышления.

Я попыталась подобрать ответ, почувствовав, как на глаза наворачиваются слезы. Как Ли? Ему так больно, что он набросился на меня, словно лютый пес.

– Ему лучше.

– Как думаешь, он хочет, чтобы мы его навестили?

Внезапно мне захотелось обнять Рока. Но я сдержалась и лишь коротко кивнула.

– Скоро, думаю, он захочет этого. – Рок кивнул в ответ, избегая смотреть мне в глаза.

При других обстоятельствах, если бы мне пришлось выбирать между добрым великаном Роком и мускулистым и гибким, но непредсказуемым и жестоким Пауэром, то я, даже не задумываясь, для своей миссии выбрала бы в партнеры Рока. Однако возвращение тела кузины твоего лучшего друга твоим бывшим господам нельзя было назвать заурядной ситуацией.

Я обернулась к Пауэру.

Итак, мой партнер – это человек, в совершенстве владеющий драконьим языком, член Четвертого Ордена, чье мастерство воздушного боя не уступало моему, и к тому же недавно без посторонней помощи пытавшийся арестовать Ли и распространявший слухи, чтобы вызвать сомнения в моей способности управлять флотом.

Настало время это изменить.

На коленях у Пауэра примостился сапог, словно распределение продовольствия было чем-то вроде зрелищного вида спорта.

– Командующая?

Я положила на стол между нами карту Северного моря и экземпляр древнего эпоса на драконьем языке «Аврелиан-

ский цикл».

– Я планирую выбрать двадцать четвертую Песнь.

Песнь, в которой описывается, как Уриэль возвращает тело погибшего сына своего врага, пронося через вражеский фронт.

Рок замешкался, но Пауэр и бровью не повел. Стражники, выросшие на Яникуле, лучше всех знали поэзию драконорожденных.

– Грандиозно, – откликнулся Пауэр. – Даже для тебя.

– Мне нужен наездник, который отправится со мной.

У Рока едва не отвисла челюсть. Ведь, в конце концов, в течение последних семи лет он наравне со мной получал оскорбления от Пауэра из-за своего происхождения.

На губах Пауэра растянулась улыбка:

– Только один?

– Да, только один. Если он достаточно хорош.

Смахнув со стола невидимую пылинку, Пауэр резко поднялся на ноги. В дальнем конце палатки женщина из железного сословия, получающая продовольственную карточку у городского стражника, начала спорить, ее визгливый голос становился все громче, пока она указывала на семью из бронзовых, которые вышли перед ней. Из очереди чуть дальше от нее начали выглядывать лица других железных.

Со времен Голода в детстве я не видела таких обезумевших глаз.

Железное сословие получает меньше бронзового. Бронзо-

вые меньше серебряных. А серебряные меньше золотых. Так диктовало государство, когда в условиях неизбежного голода необходимо решать, какие слои населения представляют большую ценность, а какими можно и пожертвовать. Каждое мгновение, что я провожу на земле в городе, становлюсь свидетелем этого неравенства.

Пауэр улыбнулся Року, а затем поднес к губам свой серебряно-золотой браслет и дунул в драконий свисток.

– Окажи честь Каллиполису, Ричард.

Парящие над нами Итер и Аэла сложили за спиной крылья, чтобы камнем ринуться на землю.

* * *

Завернутое тело Джулии лежало на столе в дворцовом лазарете. Здесь не имелось отопления, отчего комнату наполнял промозглый осенний холод. Внезапно я, почувствовав охватившую меня нерешительность, застыла в дверях. Пауэр в одиночку подошел к столу и с поразительным спокойствием откинул ткань, закрывающую ее лицо.

Она похожа на Ли. Такое же узкое бледное лицо, темные волосы...

– Где ее шлем? – спросила я. – Он должен быть на ней.

Пауэр осмотрел комнату и указал на снаряжение, сваленное в кучу, которое вернул Ли. Оно было перепачкано сажей и драконьей кровью.

– Надо его отмыть.

– Да, и доспехи.

В присутствии смерти привычная ненависть Пауэра к драконорожденным, казалось, немного поутихла. Следующие полчаса мы, почти не разговаривая, провели за работой. Я задавалась вопросом, вспоминает ли он, как и я, о других похоронах, учитывая, что мы оба знали, как подготавливать тело.

Когда все было готово, он аккуратно, словно боясь разбудить, поднял Джулию на руки и понес во двор, что находился недалеко от дворцового лазарета, где ждали наши драконы. Аэла поприветствовала меня, ласково тыкаясь носом в мою ладонь, пока Пауэр прилеплял груз к боку Итера. Даже драконы вели себя смирно, словно ощущали серьезность предстоящего нам задания.

Мы направили драконов по привычному маршруту на север. Добравшись до побережья, мы оставили территорию патрулирования далеко позади. Мои познания о Северном море были весьма разрозненны, но его обширные карстовые образования – особенно в восточном направлении, когда мы повернули к Новому Питосу, – сопровождали не хуже карт, которые мы изучали с тех пор, как возникла питианская угроза.

– Как много ты помнишь из «Аврелианского цикла»? – поинтересовалась я у Пауэра, когда берега Каллиполиса практически скрылись на горизонте. Аэла и Итер летели

крыло в крыло на расстоянии тридцати футов друг от друга. На расстояние, на котором еще можно было докричаться до своего спутника.

Патрицианские верительные грамоты Пауэра включали в себя детство с репетиторами драконьего языка, на которых он обожал жаловаться.

– Слишком много.

– Отлично. Потренируй меня.

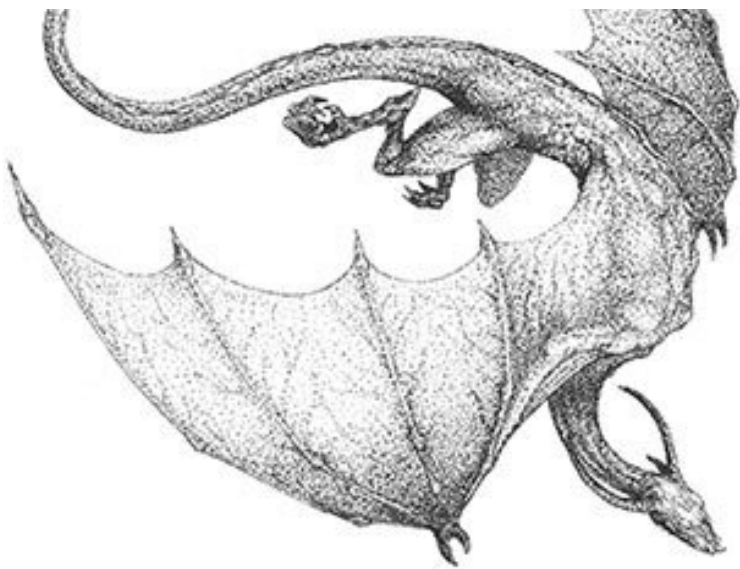
Пока мы мчались через Северное море, я выкрикивала строчки на драконьем языке, которые намеревалась произнести по прибытии, а Пауэр исправлял меня до тех пор, пока я не начала говорить идеально.

В конце концов, мы увидели то, чего ожидали: к нам направилась пара патрульных на драконах, похожих на наших, чьи белоснежные доспехи в цвет Нового Питоса переливались на солнце. Дракон породы небесная рыбка, настолько бледный, что выглядел практически серебристым, с длинными крыльями, казался невероятно изящным по сравнению с огромным грозовым бичом, сопровождающим его.

Они стали первыми воинами питианского флота, которых я когда-либо видела на близком расстоянии.

Я взмахнула белым флагом, и мы начали снижаться, устремляясь к Арке путников.

3 Тело

ГРИФФ

Я проклинал большую часть своей жизни на Новом Питосе, в том числе и службу оруженосца. Но что я никогда не проклинал и что невозможно было пережить, не испытав безумного всепоглощающего восторга, так это полет.

«На что это похоже? – всегда спрашивала моя сестра Агга. – *Опиши мне*».

И я пытался объяснить на словах. Описать, как Северное море превращается в пласты серебра, а с волн спадает пелена тумана. Как ты ощущаешь, будто свет струится в твоих венах, словно драконье пламя. Как пробираешься сквозь густые джунгли карстовых столбов, вздымающихся из моря, что окружало Новый Питос, во всем своем зубчатом великолепии. Лес из карстовых колонн вокруг Нового Питоса был известен как Башни Моряка.

Башни Моряка, восторг драконов.

Ближайшие пять карстовых столбов к Новому Питосу, окружавших его со всех сторон, звались норчианскими клановыми карстами. Не существовало большего удовольствия, чем скользить по воздушным потокам между карстовыми колоннами на спине дракона: огибать громадные отвесные стены Туррета; перескакивать на лету через маленького горбатого Кнолла; петляя, проноситься между костлявыми руками Кракена и торопливо проскальзывать над лохматой Торнроуз, увитой разросшимися лианами. Но сильнее всего мне нравилась Наг, карстовый столп моего клана, чей нос был погружен глубоко под воду, а священные камни на макушке и арка под подбородком были достаточно широки, чтобы между ними мог пролететь дракон. Они – камни моего народа, и когда я сновал между ними верхом на Спаркере, не чувствовал себя проклятым. Я чувствовал себя счастли-

вейшим норчианцем в мире.

Именно это я и пытался описать сестре, когда она задавала вопросы. Старался не рассказывать, каково это – видеть, как шахты полуаврелианцев оскверняют подножия наших карстовых колонн и опустошают их внутренности, о крохотных баржах внизу, что перевозят руду в главный порт. Они заставляли норчианцев добывать полезные ископаемые, чтобы вести свою жалкую торговлю. После объявления войны с Каллиполисом торговцы практически не отваживались иметь дело с Новым Питосом, и даже до этого лишь немногие смельчаки осмеливались проплыть мимо Башен Морьяка.

Когда пары из поисковой группы рассредоточились, устремляясь на юг, к Каллиполису, Гефира слегка куснула Спаркера в бок, и драконы закружили в своем собственном танце. Несмотря на то что летал на драконе-грозовике, я никогда не жалел, что перевелся на службу к небесным рыбам. Они полагались на проворство там, где мы брали силой, и даже если это не совсем обычное сочетание, для нас это давно стало привычным ритмом. Если полеты с Джулией всегда казались сражением, увлекательной баталией, состязанием силы духа, то здесь все было просто и легко. А я чувствовал себя в родной стихии.

Гефира заставила Спаркера лететь еще быстрее, снижаясь к волнам, соревнуясь в гонке, которую нам никогда не выиграть, но в которой мы с удовольствием участвуем, петляя между карстовыми столбами на окраинах Башен Морьяка.

ка. Когда начало смеркаться, небо залил яркий свет, а туман вторгся в рваные облака, карстовые колонны окрасились в золото.

Оказавшись в воздухе впервые после исчезновения Джулии, я почувствовал, как тяжесть, сдавливавшая мою грудь, исчезла, словно ее сдуло морским ветром. А потом я увидел их.

Двух наездников, явно чужаков. Аврелианца и грозового бича, приближающихся к нам. На их наездниках были красные доспехи революционного флота. Нам пришлось замедлить движение.

На боку грозового бича виднелся груз.

В форме человеческого тела.

Наездник на аврелианце взмахнул белым флагом, который в лучах заходящего солнца отливал оранжевым.

Дело указал на ближайшую карстовую колонну, вздымающуюся из моря. Арка путника. Драконий пьедестал, где месяц назад Джулия встречалась с Лео.

Мы вчетвером спустились вниз. И все это время я не мог оторвать глаз от завернутого в ткань груза на боку дракона-грозовика.

Мы спешили и направились навстречу друг другу, оставив драконов на противоположных сторонах площадки. На доспехах каллиполийцев виднелись революционные гербы с изображением дракона, выдыхающего огненные кольца. Наездник грозовика был высок, а наездник на аврелианце – по-

меньше ростом и изящнее. Когда они сняли шлемы, я понял, что это была девушка. Девушка с коротко стриженными каштановыми волосами, отливающими рыжим в лучах закатного солнца, и пронзительным взглядом, буквально впивающимся в нас. Она заговорила на драконьем языке с акцентом, но без единой ошибки.

До меня не сразу доходит, что она декламирует стихи.

Хотя она и была бледна, как представители рода Грозных Бичей, но сухощавое телосложение и акцент определенно выдавали в ней простолюдинку. Но я не встречал ни одного простолюдина, цитировавшего поэзию на драконьем языке с такой уверенностью. Холодок промчался по моей спине.

«Кто ты?»

Она с сосредоточенным видом процитировала строки:

*Приди же, прими подношение, защиту моему телу даруй
И с милостью драконов в пути меня сопровождай
К пристанищу родовому этого дитя.*

Стихи ничего не значили для меня, но, взглянув на Дело, я осознал, как много они значат для него. По его щекам заструились слезы.

– Принесите ее, – хрипло произнес он.

Второй каллиполийский наездник, с гладко выбритой головой и смуглой, как у Дело, кожей, направился к своему дракону, чтобы снять с него груз. А затем медленно и осмотрительно возвратился к нам, неся в объятиях закутанный

сверток. Он бережно опустил свою ношу перед нами.

Я опустился на колени и развернул покрывало. Шлем Джулии почти полностью закрывал ее лицо, но мне и без этого стало понятно, кто лежит передо мной.

И хотя после ее исчезновения я замирал от ужаса, представляя, что именно так все закончится, на мгновение ее мертвенно-бледное лицо показалось мне чужим. Потому что как мог этот ураган, которому я столь долго сопротивлялся, эта защитница и правительница, командующая и любовница, как она могла вдруг стать такой неподвижной, маленькой и безжизненной?..

Дело продолжал разговаривать с простолюдинкой, но их голоса доносились до меня словно издалека, и я не мог их различить, прижавшись к лицу Джулии и ощущая исходящий от нее ледяной холод.

ЭНИИ

Коренастый, невысокий юноша, чей дракон-грозовик гораздо крупнее тех, что мне довелось встречать, опустился на колени перед Джулией, прижался к ее лицу и разразился рыданиями. Что-то в его движениях, манере поведения показалось мне странным.

Наездник дракона небесных рыб выше, стройнее, с красивыми темными вьющимися волосами. Он говорил с наигранным спокойствием, хотя в его глазах стояли слезы:

– Расскажите, что случилось.

– Джулия заставила Лео выбрать сторону. Он сделал Выбор.

Глаза наездника небесной рыбы округлились:

– Они честно сражались на дуэли. Он просил, чтобы тело его кузины вернули ее народу.

У наших ног наездник дракона-грозовика покрывал поцелуями глаза, нос, губы Джулии. Его страдания болью отзывались во мне.

– Кто вы? – спросил наездник небесной рыбы.

– Я – Антигона сюр Аэла. – Я перевела дух, готовясь произнести следующие слова впервые в жизни. – Первая Наездница Флота Каллиполиса.

Стоящий на коленях юноша поднял голову и посмотрел на меня.

Наездник небесной рыбы был абсолютно бесстрастен, когда ответил:

– Я – Дело сюр Гефира, Тertiус.

Он сдержанно поклонился. Раньше мне приходилось видеть, как патриции обменивались поклонами на официальных церемониях: поклонами между равными. И хотя прошло уже девять лет, как я перестала быть крепостной Повелителя драконов, у меня все внутри перевернулось, когда я увидела, как драконорожденный кланяется мне. Я заставила себя ответить взаимностью на поклон Дело, легко и непринужденно, как это сделал он. Только вот такому меня не учили в детстве.

– Вы не Тертиус, – тихо произнес юноша, что по-прежнему стоял на коленях. – Теперь вы Альтернус, мой господин.

Теперь, когда место Джулии пустовало, в званиях тоже произошла перестановка.

Лицо Дело покрылось мертвенной бледностью. Однако не это привлекло мое внимание, а обращение юноши.

«Господин?» Почему один из драконорожденных называет другого господином?

– Кто вы? – спросила я у юноши.

Дело моргнул, переводя взгляд с него на меня. Словно до него только сейчас дошло, что мы с молодым человеком можем спокойно разговаривать друг с другом. Юноша поднялся с колен. Его синие глаза сияли, выделяясь на фоне оливковой кожи, испещренной морщинами, из-за чего сложно было догадаться, сколько ему лет, хотя, как мне показалось, они с Дело были ровесники, на два-три года старше меня.

– Грифф, – ответил он. – Грифф Гаресон.

У него нет дракона. Нет звания. И, кланяясь мне, он склонился почти до земли.

Я переводила взгляд с Дело на Гриффа и обратно. Дело был облачен в тяжелые доспехи с изображением водяных лилий – символом дома Небесных Рыб, Грифф же был одет только в огнеупорный костюм.

И тогда я прихожу к выводу, который следовало бы сделать по прибытии.

Мы знали, по крайней мере, о двадцати драконах, нахо-

дящихся в Питианском флоте. Однако на Новом Питосе едва ли набралось бы так много драконорожденных детей, переживших Революцию и доживших до возраста, с которого позволялось управлять драконами.

– Мой господин, – снова заговорил Грифф, вытирая ладонью влажное лицо, – могу ли я положить леди Джулию на Спаркера?

– Да. Спасибо тебе, Грифф.

Я заметила разницу в их обращении друг к другу: Грифф обращался к Делу на «вы», а тот в ответ к нему на «ты».

А затем я обратила внимание на кое-что еще. На что должна была обратить с самого начала, но не разглядела в тени массивных рогов грозовика...

Намордник. Меня охватил ужас.

Питианцы тоже набирали наездников из простолюдинов.

Но куда сильнее меня встревожило то, что, когда Грифф взял на руки тело Джулии, в его движениях ощущались забота и нежность – нечто, присущее слуге, но не только, здесь крылось что-то другое, нечто большее...

Внезапно Пауэр слегка стискивает мое плечо.

– У нас гости, – тихо произнес он.

На краю площадки возникла темная фигура. Пятый дракон, еще один грозовик, плавно заскользил по краю, словно подобрался к нам снизу, его чешуя была синевато-серого цвета, за исключением серебристых гребня и хвоста. Доспехи наездника были украшены вереском – символом дома

Грозового Бича. Он стянул шлем, и на мгновение у меня перехватило дыхание, потому что я увидела Ли.

Но затем я отогнала от себя эту мысль, потому что это не Ли. У юноши передо мной те же темные волосы и бледная кожа, те же серые глаза, то же телосложение и походка, однако в его лице просматривались жесткие черты, которых не имелось у Ли; и он, как и Дело, был старше нас.

Это мог быть только один-единственный человек. Брат Джулии, Иксион.

– Вам лучше уйти, – сказал Дело, обернувшись к новоприбывшему.

Грифф замер, обнимая тело Джулии, и съежился под пристальным взглядом Иксиона. Несколько мгновений Иксион не отрывал взгляда от тела сестры. Его плечи напряглись. Ветер завывал над Аркой путника, неся с собой безмолвие.

А затем Иксион резко обернулся ко мне. Осмотрел меня с ног до головы, скривив губы в усмешке. Словно заметил нечто настолько отвратительное, отчего его передергивает.

– Ты та самая стервозная простолюдинка?

Грифф вздрогнул.

И от этого, а не от самих слов, во мне что-то вспыхнуло. Я сжала кулаки и вскинула голову:

– Да, – ответила я. – Это я.

Грифф вытаращил глаза вне себя от ужаса. Я с трудом сдержалась, чтобы не взглянуть на него в ответ.

Дело схватил Иксиона за руку:

– Антигона сюр Аэла заслуживает безопасного возвращения к своему народу в соответствии с нашими традициями.

Однако Иксион сбросил его руку, словно и не собирался слушать его слова. Он сделал шаг по направлению ко мне:

– Возможно, Лео позволил тебе забыть. Но я не позволю. Ты – крепостная Грозовых Бичей. Ты принадлежишь мне. И после войны я заставлю тебя и весь вонючий сброд вроде тебя вспомнить об этом.

Аэла резко расправила крылья у меня за спиной. Я услышала, как она рычит, и это рычание, кажется, клокочет у меня в горле.

Дело встал между нами:

– Довольно.

Нет. Не довольно. Никогда не будет довольно. Я почувствовала, как во мне начал пробуждаться дракон, который царапал меня изнутри когтями, пытаясь вырваться наружу. А затем ощутила чью-то хватку и, опустив глаза, увидела Пауэра, схватившего меня за руку.

– Энни, – хрипло произнес он. – Их больше, и это уже не наша задача.

Иксион поднес к губам горн. Пронзительный звук разорвал воздух, призывая других наездников.

– Энни, уходим.

Аэла и Итер уже оказались рядом, и мы тут же запрыгнули на их спины. Я почти не почувствовала, как Аэла оторвалась от земли, и вцепилась в седло, когда земля начала уносить-

ся прочь. Грозовик Иксиона подпрыгнул, словно собираясь броситься в погоню, но Пауэр сюр Итер изверг столб пламени.

– Быстрее, быстрее...

Арка путника исчезала внизу, однако бросившийся за нами вдогонку грозовик не отставал, другие драконы начали появляться на горизонте, привлеченные горном Иксиона.

– Скроемся в облаках...

Мы поднимались все выше, петляя в воздухе, заставляя драконов лететь что есть мочи. Аэла разбивала воздух крыльями. Я отбросила поводья, вцепившись в ее шею, распластавшись на спине и уткнувшись шлемом в ее горячую чешую, пока потоки ветра яростно бушевали вокруг нас.

Наши драконы прорывались сквозь пелену облаков, которые были настолько плотными, что Пауэр сюр Итер исчез из виду.

– Энни?

– Я здесь.

Укрытые белесой мглой, мы мчались на юг.

В тишине облачного плена мои мысли снова и снова металась в голове. Я размышляла о драконе в наморднике, о поклонах Гриффа Гаресона, презрительной ухмылке Иксиона и его словах: *«Ты принадлежишь мне»*. И, словно едва слышные ноты той же самой мелодии, во мне всплыли старые воспоминания, трансформируясь в симфонию ярости: *«Так, так, ты усвоила урок, не так ли?..»*

Я усвоила урок. Сколько еще раз мне придется усваивать его?

Когда мы наконец осмелились выбраться из облаков, вдали уже показался Каллиполис, а питианцы исчезли. Море перешло в берег, а берег обернулся равнинами, где вздымалась Крепость, а за ней и город. Я невидящими глазами смотрела на свой родной остров.

Раньше я думала, что эту войну необходимо пережить. Нападение, от которого Каллиполис должен защищаться.

Но я заблуждалась. Это война, в которой нужно не защищаться, это война, в которой нужно победить.

Вернувшись во Дворец, мы спешили и расседлали драконов на арене у входа в пещеры. Пауэр искоса взглянул на меня:

– Ты в порядке?

– Нет, я *не* в порядке. Я в бешенстве.

Эмоции переполняли меня, и Аэла, почувствовав их, зарычала у меня за спиной. Внезапно лицо Пауэра озарилось бликами яркого пламени, которое она исторгает в воздух. Он посмотрел через мое плечо на ее пламя, а затем снова перевел взгляд на меня. Что-то зажглось в его глазах, словно он начал воспринимать меня иначе, – этот взгляд я помнила с тех далеких дней, когда мы тренировались вместе.

Словно моя ярость показалась ему прекрасной.

– Итак, ты в бешенстве, – констатировал он. – И что ты собираешься с этим делать?

Аэла тяжело дышала у меня за спиной, переводя дух с явным намерением выдать второй огненный залп. А за спиной Пауэра Итер скреб когтями землю, словно готовясь к схватке. Зрачки Пауэра расширились, и его эмоции перехлестнулись через край, пока он наблюдал за моей яростью.

Это очень странно, но я была слишком разгневана, и в данный момент меня ничего не волновало.

– Я собираюсь сорвать намордник с дракона Гриффа Гаресона, – ответила я. – И стереть с лица земли Новый Питос. – На лице Пауэра расплылась неприятная кривоватая ухмылка.

– Чертовски верно, – согласился он.

И на мгновение я улыбнулась ему в ответ. Улыбнулась глупо, злобно, безумно, что оказалось невероятно приятным.

Но затем я вспомнила, кто стоит передо мной: Пауэр, угрожавший сломать мне руку две недели назад; Пауэр, который никогда не показывал доброты, не приправляя ее жестокостью...

Я резко отступила назад. Пауэр взглядом скользил по моему лицу, озадаченно потирая шею.

– Нам надо идти, – сказала я и отвела взгляд, чувствуя, как кровь приливает к щекам.

В Обители меня тут же нашел Дак, чьи непослушные волосы торчали во все стороны, словно он постоянно ерошил их. В руках он держал конверт с печатью в виде четырехъ-

ярусного города – эмблемы Внутреннего Дворца.

– Энни, это прислали сегодня утром. Из Министерства Обороны, заседание Военного Совета перенесли на день... Ты должна была быть там...

У меня все сжалось внутри: это первый Военный Совет, на котором я должна была присутствовать в качестве Первой Наездницы, и я собиралась подготовиться к нему вечером.

– Когда?

– Час назад.

И я со всех ног бросилась в Большой Дворец.

ГРИФФ

Дело не пожелал присоединиться к погоне Иксиона за каллиполийскими наездниками, и мы вдвоем направились обратно на Новый Питос, забрав тело Джулии с собой. Я сжимал ее в объятиях, думая о том, что этот полет станет для нее последним. Дело молчал, словно тоже хотел остаться наедине со своими мыслями. И мы летели в полной тишине.

Последний полет с Джулией. Последние мгновения рядом с ней.

Что со мной случилось, раз я начал вдруг считать эти мгновения?

После нашего приземления мне удалось взять себя в руки. Мы поднялись по балюстраде Грозовых Бичей, а не Небесных Рыб. Дело позвонил в колокольчик, прося помощи, а затем подошел ко мне, нисколько не боясь ярости Спаркера. И

хотя пасть была скована намордником, когти моего дракона были по-прежнему остры, однако он никогда не причинял вреда Делю.

– Грифф, я возьму ее.

Появившиеся из-за угла слуги остановились как вкопанные, увидев нас с телом. Дело обернулся к ним:

– Сообщите леди Электре, что ее племянница нашлась. Приспустите флаги Семейств. И найдите Великого Повелителя.

Я все еще держал ее, когда Дело подошел ближе. Он коснулся моей руки:

– Тебе следует уйти до их прихода.

Потому что любовник-простолюдин Джулии станет первой мишенью, на которую набросятся потрясенные горем драконорожденные. И Дело об этом знает.

Я был благодарен ему за заботу и за то, что он освободил меня от ответственности, но, осознав, что это означает прямо сейчас навсегда проститься с ней, я подумывал о том, чтобы остаться.

– Грифф, – надавил Дело, словно пытаюсь привести меня в чувство.

Я в последний раз поцеловал ее и вручил Дело.

А затем ушел и, спустившись с Крепости по крутой петляющей лестнице для слуг, вышел через Ворота Смирения на пятиконечный перекресток Кургана Завоевателя, где спустился с продуваемых ветрами холмов к деревне клана

Наг. Солнце давно село за горизонт, узкие улочки освещали лишь случайно пробившиеся сквозь ставни лучики света да горящие окна малочисленных полуаврелианских особняков на склоне холма.

Я коснулся выцветшей от времени эмблемы клана Наг над притолокой, прежде чем вошел в дом. Агга встретила меня в дверях, чье лицо темным облаком обрамляли волосы, выующиеся от влажного тумана.

– Что случилось?

Должно быть, у меня все на лице было написано. Она говорила шепотом, что означало, что Бекка и Гарет уже в постели. Днем Агга присматривала за чужими детьми и за своими собственными, потому что у нее были слишком слабые легкие, чтобы она могла работать в плавильном цеху вместе с другими женщинами или на барже, переправляющей руду из карстовых шахт. Но сейчас уже было поздно, и остальные дети уже отправились по домам. Дедушка, заснув, сидел у огня, и его костлявые плечи были укутаны в одеяло.

– Давай посидим на заднем дворе, – предложила Агга. – Ты голоден? Я оставила ужин.

Суп больше напоминал воду с ароматом рыбы, поскольку импорт зерна пришел в упадок после нашего нападения на Каллиполис, которое привело к введению эмбарго на ввоз зерна Медейской Лигой. Я налил похлебку в миску, а Агга взяла с собой одеяло, чтобы завернуться в него на улице, после чего мы прокрались мимо малышей, спящих в задней

комнате, и вышли на крыльцо. Тишину нарушали лишь крики полусонных чаек и отдаленный плеск волн, пока Агга, как обычно, не разразилась кашлем.

– Сколько имбиря у нас осталось? – поинтересовался я.

– Совсем немного. Но ничего страшного, ведь леди Джулия скоро даст тебе еще, правда?

Я отставил суп в сторону и, обхватив себя руками, издал громкий стон.

– Ты рассердил ее? – прошептала Агга.

В те редкие моменты, когда мы ссорились, Джулия могла на месяц забыть о лекарствах для Агги. А потом смеялась, обернув все в шутку. Я тоже смеялся, но урок усвоил. Я покачал головой:

– Гораздо хуже.

Из Крепости до нас донесся погребальный звон. Нам обоим был хорошо известен этот звук.

Агга медленно выдохнула, понимая, что произошло, и тут же крепко обняла меня. Она прижимала меня к себе, пока шла заупокойная месса, и под звуки скорбного звона я отдался во власть своего горя. В ее объятиях я даже не пытался понять, что ранит меня больше – смерть Джулии, или потеря того, что она дала и что забрала взамен, или терзающий меня ужас из-за того, что случится дальше. Теперь, когда Джулии больше нет, а Иксион займет господствующее положение.

– Мама?

Стены дома были настолько тонкими, что даже с закрытой

дверью дети могли нас слышать. Агга обернулась, услышав голос Бекки, появившейся на крыльце, подхватила ее на руки и поцеловала в макушку. У Бекки были густые волосы, которых порой было больше, чем она сама.

– Ты должна спать.

– Но я услышала вас с Гриффом. – Она приветственно коснулась моей ладони своей крохотной ладошкой: – Ты летал на Спаркере, дядя?

Что бы ни думали обо мне драконорожденные, я с гордостью мог признаться, что среди детей клана Наг я – настоящая знаменитость. Как и Спаркер, которого они называли по имени, но никогда не видели.

– Да.

– Как бы мне хотелось полетать на драконе, – со вздохом сказала Бекка.

Я почувствовал, как Агга рядом со мной сжалась, с трудом переводя дух, словно надеялась, как и я, что от Бекки никогда не потребуют ничего подобного. В детстве Агге часто приходилось лечить мои ожоги от драконьего пламени. Однако она беспечно ответила дочери:

– Что ж, если однажды твои господа потребуют этого, ты выполнишь их волю. А пока твоя мать требует вернуться в постель.

Бекка хихикнула. Она не возражала, когда ее заставили встать и направиться к двери. Но все же сделала последнюю попытку:

– Не расскажешь мне сказку, дядя? О Наге и Великом Драконе...

– В постель! – в унисон воскликнули мы с Аггой.

Мы слушали, как она копошится в постели, зарываясь в одеяла рядом с Гаретом, и, затаив дыхание, ждали, когда воцарится тишина. А затем Агга, коснувшись моей руки, произнесла прерывистым шепотом:

– Расскажи мне, что произошло.

Пока я рассказывал, она плакала. Заливалась гораздо более горькими слезами, чем я, и тогда я понял, что ее одолевают старые воспоминания. О смерти матери, которую я почти не помнил. Об отце, о смерти которого я помнил, хотя дело было не столько из-за плохих новостей, сколько из-за их отсутствия. О ее Имоне, что не вернулся с шахты два года назад, о малышах, о которых ей приходилось заботиться одной. И я подумал, а кажется ли ей, что я испытываю такую же душевную боль, что и она.

Я испытывал ее. Душевную боль.

Но эта душевная боль не шла ни в какое сравнение с тем, что тогда переживала Агга.

И потому я пытался утешить ее в ответ, сделать хоть что-то, что поможет унять ее слезы. Я обнял ее, укутывая в одеяло, чтобы она не замерзла.

– Наездница, – начал говорить я, – та, что привезла тело Джулии из Каллиполиса. Ты не поверишь, Агга. Она была Первой Наездницей, как и Джулия. Но простолюдинка, как

мы.

Агга усмехнулась сквозь слезы, и в ее голосе послышался восторг:

– Она сказала тебе?

– Она посмотрела в глаза Иксиону и сказала ему.

ЭНИИ

Только оказавшись в башне Внутреннего Дворца под названием Крыло Оборона, я поняла, что не знаю, где проходит заседание Военного Совета. Я остановилась, стискивая бок, который пронзила острая боль, и просила первого попавшегося мне человека, куда идти. Он окинул меня скептическим взглядом:

– А разве Первому Наезднику не положено посещать Военный Совет?

– Меня только произвели в звание.

Седеющий мужчина средних лет нахмурился, услышав эту новость.

– Я вас провожу.

Он сопроводил меня по винтовой лестнице и постучал в темную дубовую дверь на самом нижнем этаже. Услышав окрик, он распахнул дверь:

– Антигона сюр Аэла, Первая Наездница, – объявил он.

Военный зал оказался пуст, за исключением одного человека – генерала Холмса, который сидел в дальнем конце овального стола и перебирал документы. Фигура Холмса в

военной форме темным силуэтом выделялась на фоне красного революционного стяга с изображением дракона и четырех колец драконьего пламени, представляющих собой четыре металлических класса, что висел у мужчины за спиной. В комнате не было окон, потому что она выполняла роль бункера, защищенного от воздушных ударов и уходящего глубоко под землю, находясь на одном уровне с Огненной Пастью, и фонари, висящие над головой, отбрасывали длинные тени на каменные стены.

Холмс поднял на меня глаза:

– Антигона. Жаль, что вы пропустили заседание. Я не знал, что ваш график патрулирования поменялся столь оперативно.

У меня пересохло во рту, и сотни отговорок пронеслись в мыслях, одна хуже другой. Я поднесла сжатый кулак к груди в революционном салюте:

– Виновата, сэр.

Холмс не обратил никакого внимания ни на мое извинение, ни на салют, и я по-прежнему стояла посреди зала, пока все внутри у меня сжималось от тревоги. Я мысленно дала себе обещание больше никогда не опаздывать на встречу с этим человеком, и в этот момент слова Холмса вывели меня из раздумий:

– Сегодня утром я разговаривал с инструктором Гораном. Мы вспоминали ваше выступление. Он сообщил мне неприятные факты, о которых я раньше не знал. У вас внушитель-

ный список дисциплинарных взысканий.

Последний раз, когда разговаривала с нашим инструктором по боевой подготовке, я воспользовалась своим положением, чтобы унижить его перед военными отрядами. Горан всегда воспринимал присутствие женщин и простолудинов в своих отрядах как личное оскорбление, а теперь, когда своими собственными руками вручила ему законную причину ненавидеть меня, я могла представить, что он смог наговорить моему начальнику.

– Позвольте говорить честно, сэр...

– Я в курсе, что Горан мракобес, если вы это собирались мне сказать. Он был уволен.

Я захлопнула рот.

Холмс продолжил:

– Кроме того, из лазарета сообщили, что тело Джулии Грозовой Бич забрали два стражника, несмотря на мое предостережение не предпринимать поспешных действий.

Прижимая кулак к груди, я почувствовала, как замирает мое сердце.

– Спасибо... что взяли на себя инициативу. – Я с трудом сглотнула ком в горле.

– Буду откровенен, – заявил Холмс. – Я с уважением отношусь к проявленной вами смелости, когда вы противостояли Первому Защитнику, оберегая Ли сюр Пэллора, который, насколько я понимаю, и есть истинный Первый Наездник Каллиполиса, несмотря на то, что отрекся от данного

звания. Я благодарен вам за то, что вы довели до моего сведения, что один из наших лучших военных активов в опасности. Но поймите меня правильно, мне не нужен командующий воздушным флотом, который не способен выполнять приказы. Это мое первое и последнее предупреждение. Мы друг друга поняли?

Его слова едва слышным эхом отдались от каменных стен пустого военного зала. И мой голос в ответ прозвучал еще тише:

– Так точно, сэр.

– Отлично. Свободны.

Спустя пятнадцать минут я на негнущихся ногах вышла из Внутреннего Дворца, направившись не в Обитель, а в дворцовый лазарет.

Но, собравшись уже распахнуть дверь палаты Ли, я услышала внутри еще чей-то голос. Голос, который всегда ассоциировался у меня с приятными вещами: ободрением, уважением и добротой.

Голос Криссы.

И еще один звук, который я никогда до этого не слышала, – горе Ли.

Ли, который в последнюю нашу встречу взглянул на меня с жуткой ухмылкой, потому что его мучила невыносимая боль.

Я попятилась от двери, от ласкового голоса Криссы, от рыданий Ли, мягко шурша ботинками по каменному полу

лазарета. Развернувшись, я уже собралась броситься наутек, как вдруг услышала ее голос:

– Энни. Постой.

Крисса прикрыла за собой дверь. А затем так стремительно, что я не успела даже понять, что она задумала, подошла ко мне и взяла за руку. Как и всегда, видя ее столь близко, я поражалась ее ослепительной красоте. Она высокая и статная, почти как Ли и Кор, с золотистой копной волос, сияющими волнами ниспадающими ей на спину, и ярко-синими глазами на круглом лице.

– Энни, я сказала ему, что все кончено. Я больше не буду стоять между вами. Хочу, чтобы ты знала.

Так вот что она думает об этом? Считает, что все дело в любви, в тяжком выборе между нами? Из моей груди вырвался звук, похожий на смех и всхлип одновременно.

А дело заключалось в том, что сейчас Ли страдал при одном только взгляде на меня, учитывая, как дорого я ему обошлась.

– Ты не стоишь между нами. И никогда не стояла. Между нами стоим мы сами.

У меня перехватило дыхание.

Ей следовало бы уйти прямо сейчас, оставить меня одну, обидевшись на издевку. Но вместо этого она просто произнесла:

– Иди ко мне.

И прежде чем я успела понять, что происходит, она при-

тянула меня в свои объятия.

На мгновение я покорила ей, а после всего, что произошло сегодня: потрясенное лицо Ли, снова и снова всплывающее в моей памяти, презрительная ухмылка Иксиона и встреча с Холмсом, который дождался меня в пустом военном зале, чтобы сообщить, кто был истинным Первым Наездником, – этот миг показался мне самым прекрасным за последнее время.

Но затем я вспомнила, что теперь была начальницей этой девушки, Командующей Флотом.

Я не могла допустить, чтобы меня утешали, как ребенка, пока я плачу.

Я должна была отправиться в кабинет Первой Наездницы и поплакать в одиночестве.

Я отступила, проводя рукой по лицу:

– Спасибо, Крисса.

– Ничего, Энни...

– Тебе следует вернуться к нему. Он... Ты сейчас нужна ему.

– Только как друг, – подчеркнула Крисса.

Пусть называет это как хочет.

Я улыбнулась, кивнув, и оставила ее с Ли.

А затем в кабинете Первой Наездницы я вытерла слезы и сделала то, что у меня получалось лучше всего. Отогнала мысли о Ли, воспоминания об ужасных звуках, которые он издавал, пытаясь остановить рыдания, но не мог. Отогнала

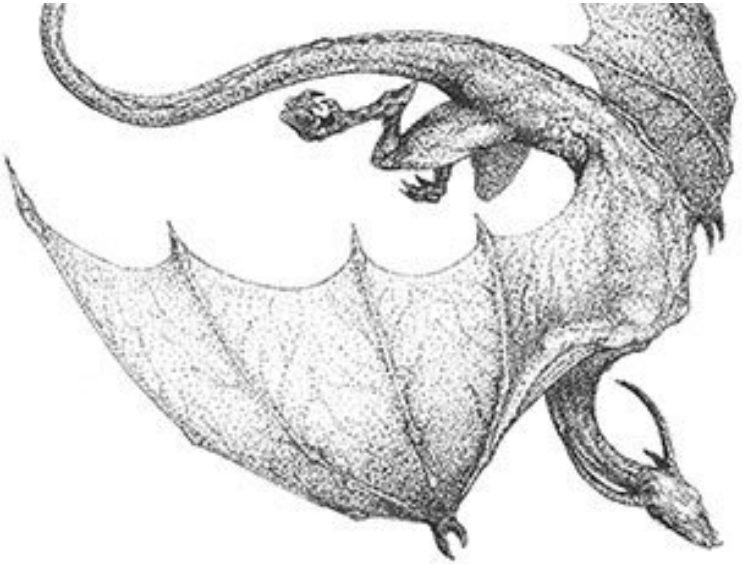
мысли о Криссе, что осталась у его постели, и ее ласковом голосе, утешающем его.

Вместо этого я начала размышлять об Иксионе Грозовом Биче, Дело Небесной Рыбе и драконе в наморднике рядом с Гриффом Гаресоном.

И приступила к разработке плана.

4

Похороны

ГРИФФ

Похороны Джулии проходили в Храме Фантазий, в саду, раскинувшемся вокруг стеклянного зала в центре Крепости, откуда открывался вид на море и карстовые колонны Башен Моряка, что окружали со всех сторон. Норчианские

каменные изваяния обрамляли вид, открывающийся из сада, каждая каменная фигура была вырезана из клановой карстовой колонны, хотя полуаврелианцы разрушили колонны несколько поколений назад, превратив их в шпалеры для роз и украсив изображениями своих драконов.

В былые времена – до того как завоеватели возвели Крепость – этот храм был местом, где короновали верховных правителей.

Церемонию проводил Великий Повелитель Радамантус, здесь же находился дракон-грозовик Иксиона, готовый поджечь погребальный костер Джулии. Солнце уже село за горизонт, и небо запылало угасающим светом. Вокруг погребального костра полукругом собрались драконорожденные: полуаврелианцы в блестящих алых одеяниях, Грозовые Бичи в черном, Небесные Рыбы в голубом, полукровки в одеяниях серого цвета, олицетворяющих цвет их Семейств, а наездники смирения были снаряжены как наездники драконов, которым они служат. За ними стояли предводители норчианских кланов, назначенных полуаврелианцами в насмешку над нашими старыми институтами власти. Остальные норчианцы собрались вокруг Крепости, рассредоточившись по склонам пологих холмов вокруг Кургана Завоевателя, чтобы увидеть, как пепел Джулии развеет с крепостного вала.

Когда Радамантус приступил к Обряду Павшего Повелителя драконов, смысл его слов начал ускользать от меня. Джулия была облачена в парадные доспехи, и ее черная

мантия распростерлась по постаменту над погребальным костром. Забрало шлема было опущено, чтобы сохранить достоинство в смерти. Но, глядя на нее, я представлял, что этих доспехов не существует. Я представлял девушку, которую не мог забыть, которая не боялась оставаться со мной наедине, сбрасывать с себя одежду и смеяться от души.

«В старину Повелители драконов брали себе в любовницы крестьянок, – рассказывала она. – Почему бы мне не поступить так же?»

Именно так она объясняла мне наши встречи, когда все только закрутилось между нами. Когда мы начали обмениваться взглядами, обжигающими, словно искры. И я не был готов ответить на ее вопросы. Когда меня вызывали, я являлся по первому зову.

Но я наглый негодяй, потому что попросил у нее кое-что взамен. Лекарства, из-за нехватки которых умерла моя мать и в которых нуждалась сестра. Продукты, когда не хватало еды.

Мои требования забавляли ее, но она, смилостившись, давала мне то, что я просил. Джулия обожала власть.

И это нас объединяло.

– ...и в смерти твой дух объединится с драконом твоим, чтобы ты не чувствовала горечи одиночества земной души, чтобы пламя твоего кровного дракона сопровождало тебя к свету следующей жизни.

Иксион тихо отдал приказ Нитеру, который мгновенно из-

верг столп пламени, разжигая погребальный костер. Драконье пламя быстро сделало свое дело: поленья загорелись и огонь мгновенно распространился. Ветер с моря подхватил дым и унес его на юг.

Радамантус поднял руку, и все присутствующие драконо-рожденные хором произнесли ритуальный вопрос:

– Но кто станет пировать вместе с ней? Потому что даже наезднику нужна компания.

В одной руке я сжимал кубок с вином, в другой – кинжал. Я подал кубок Иксиону, и тот взял его, даже не взглянув на меня. Он хрипло произнес:

– Я, твой ближайший кровный родственник, подношу тебе этот напиток как первое из множества угощений, которыми ты насладишься в следующей жизни вместе с Домом Грозовых Бичей.

Он поднес кубок к губам и, отпив из него, сделал шаг вперед. Он выплеснул вино в разгорающееся пламя, которое зашипело и продолжило расти.

Скорбящие задали следующий вопрос:

– Но кто же станет служить ей? Ведь даже мертвый нуждается в комфорте.

Я шагнул вперед, и жаркое пламя опалило своим дыханием мое лицо и руки. Силуэт Джулии казался едва различимым пятном в пылающем пламени. Когда перед похоронами Дело спросил меня, хочу ли я участвовать в ритуале Подношения от Слуги, он ясно дал понять, что вместо меня это

могла бы сделать и одна из служанок Джулии.

– И поранить одну из этих чудесных ручек? Нет. Это должен быть я.

Однако я вызвался не потому, что хотел защитить служанку. Я чувствовал, что это будет правильным решением. Кем бы Джулия ни была для меня или я для нее, правда заключалась в одном. Это был долг слуги. Верный способ попроситься с ней.

– Я как слуга дома твоего предлагаю кровь свою взамен жизни твоей, чтобы в загробном мире хорошо служили и почитали тебя.

Я протянул руку и, раскрыв ладонь, занес над ней кинжал. Я чувствовал на себе взгляды драконорожденных, но больше всего ощущал пристальный взгляд Делю, который не сводил с меня огромных карих глаз, который наблюдал за мной из рядов Небесных Рыб.

«Нравится ли тебе это?» – однажды спросил он меня, когда Джулия только начала вызывать меня к себе.

«Конечно, мне это нравится. Почему оно не должно мне нравиться?»

Он больше никогда не спрашивал меня об этом.

Лезвие кинжала наискосок прорезало мягкую плоть моей ладони, медленно и глубоко. Кровь полилась из раскрывшейся раны. Я сжал ладонь в кулак, наблюдая, как моя кровь льется в очищающий, безучастный погребальный костер.

Достойное прощание.

Я отступил назад, почувствовав, как пылает мое лицо, и сжал руку, чтобы остановить кровь и унять боль, в то время как Радамантус приступил к завершению обряда:

– Освещенная пламенем дракона, согретая любовью дома, обласканная заботой слуг, пусть жизнь твоя следующая воплотит в себе все радости и не оставит место печалям жизни прошлой.

Бушующее пламя поглотило могилу с исступленной страстью, под стать Джулии. Я не мог отвести взгляд.

Позже, когда солнце село и все разошлись, Дело отыскал меня. Пир в честь Джулии должен был состояться вечером во Дворце Великого Повелителя, где я должен был прислуживать за столом Дело, но в тот момент по-прежнему находился в холодном саду под сенью старинных каменных изваяний, глядя, как постепенно остывают угли погребального костра. Дело уселся на каменную скамью рядом со мной. Я не обращал внимания на него, пока не почувствовал холодок, расплзающийся по моей ладони, и только тогда осознал, что он начал бинтовать мою рану. Он специально принес на церемонию целебную мазь и бинты.

– Я и сам могу это сделать, – сказал я, потянувшись за бинтом.

Но Дело не уступил:

– Позволь мне.

Я сидел неподвижно, чувствуя приятный холодок целебной мази, приносящий облегчение, и прикосновение осто-

рожных пальцев, закрепляющих повязку. Если бы мы оказались в оружейной и я бы ухаживал за ним, то непременно завел бы разговор, но сегодня вечером мне хотелось тишины. И, вероятно, потому, что вокруг царил мрак, или же из-за того, что он сидел так близко, я позволил себе погрузиться в размышления.

Когда в тот раз он спросил, нравится ли мне, что хотел от меня услышать? Именно с того момента и начались молчания и натянутые разговоры.

Что мне следовало ответить?

Я почти не видел его лица, однако успел заметить, как он прижимает ладонь к глазам. Словно пытается собраться с духом.

– Грифф, – в конце концов заговорил он, – мне необходимо сказать тебе об этом. Пока... пока это не сделал кто-то еще.

Он поднял глаза на меня, прекратив бинтовать ладонь, и его пальцы слегка касались моих.

– Иксион потребовал, чтобы ты стал его оруженосцем, раз уж теперь он Первый Наездник.

Последние тлеющие угли погребального костра Джулии погасли. Небо сделалось черным.

– Я думал, твой отец сказал...

– Мой отец не хочет перечить новому Командующему Флотом. Никто не хочет. – Дело стиснул пальцы, а затем закончил бинтовать ладонь и закрепил повязку. – Мне жаль.

Думаю, Иксион просто старается доказать свою правоту...

Я опустил забинтованную руку и размял пальцы.

– Когда? – спросил я.

Дело почесал затылок, не глядя на меня.

– Пока еще не решено. Я не отдал ключ от Спаркера и все такое...

Я провел пальцем по тыльной стороне запястья. За долгие годы рубцы от ожогов сгладились, но смутные воспоминания о самых первых шрамах остались. Полукруг, оставленный клыками Нитера, когда он укусил меня по приказу Иксиона. Нам тогда было всего по двенадцать, и я превзошел его в воздухе.

Окажется ли он столь же изобретателен семь лет спустя?

– Сегодня вечером я стану прислуживать ему на пиру. Будет лучше, если мы не станем тянуть.

Мне всегда казалось, что я брал время взаймы, прислуживая Делю. Так оно и было на самом деле.

И все же мы по-прежнему сидели рядом, пока наши колени соприкасались друг с другом.

– Мне жаль, – снова сказал Делю.

– Вам стоит бросить ему вызов, – произнес я против своей воли. – Сразиться за звание Первого Наездника.

Делю расхохотался.

– Грифф, – отозвался он. – Мы оба знаем, что это невозможно.

Делю впал в ступор, когда дело касалось Иксиона. Так

всегда происходило.

Иксион был бесподобен. Единственной, кто сумел победить его, стала Джулия.

Джулия и я.

По крайней мере, до того как на Спаркера надели намордник. Внезапно в голове у меня появилась непрошенная мысль: *«У Антигоны сюр Аэла не было намордника».*

Но подобные размышления были опасны, и я отогнал непрошенные мысли о Первой Наезднице Каллиполиса.

* * *

Лишь один наездник смирения пытался протестовать. Или так нам, по крайней мере, рассказывали. Оруженосца Роксаны Полуаврелианки, Мабалену, признали виновной в призывах к мятежу шесть лет назад. Норчианцев из Нового Питоса согнали посмотреть на расправу над ней на Кургане Завоевателя. Дракону Мабалены перерезали горло, и пока Лена корчилась в агонии от боли, скорбя о потере, всю ее семью, одного за другим, подняли на спинах драконов в воздух над площадью и сбросили вниз.

Даже годы спустя я помнил эти звуки. Глухой влажный удар человеческого тела о безжалостные камни и мгновенно смолкавшие вопли. Мольбы Мабалены, сначала на драконьем языке, потом на норише, которые становились все более бессвязными. Каменное лицо Роксаны, наблюдающей за

расправой. Стоящий рядом Радамантус, чья рука лежала на ее плече. А расправу чинил сам Роуд.

Мабалену сбросили последней, но с небольшой высоты, чтобы она смогла выжить. Теперь она служила в Крепости, и если требовалось напоминание о подобных происшествиях, ее приводили в пример. Драконорожденные называли ее Безумной Леной.

Нам тогда было по тринадцать.

В то время я верил в эту историю. Верил, что она планировала мятеж, был потрясен ее мужеством и отвагой. Как она это сделала? Меня огорчало, что она не посчитала меня достойным для участия в восстании.

И лишь годы спустя я осознал, что в тринадцать лет она едва ли могла спланировать нечто подобное. Она была посредственной наездницей, а ее дракон – скорее обузой, нежели ценным приобретением. Невеликой потерей для питианского флота, лучшей кандидатурой, чтобы предостеречь остальных от опрометчивых решений.

И предостережение сработало, потому что с тех пор не объявилось ни одного норчианского наездника, отважившегося поднять мятеж. А затем наши драконы вспыхнули, доказав, что опасения других были не напрасны, и получили намордники, после чего даже намек на восстание был забыт. Вместо этого драконорожденные аккуратно напоминали нам о том, что нас ждет, если мы станем повиноваться: *«Когда мы возьмем Каллиполис, ваши семьи получат вознагражде-*

ние. Они будут одарены землями, свободой и богатством, как платой за верную службу».

Я не слишком в это верил. Но верил своим глазам, которые видели, что драконорожденные сделали с семьей Мабалены.

И потому, вспоминая Антигону сюр Аэла, свысока взирющую на Иксиона, улыбающуюся, когда тот припомнил ей крестьянское происхождение, я старался не делать поспешных выводов, поддавшись фантазиям. Возвращаться к мечтам, которые она пробуждает. Я знал, что ждет на другой стороне.

Мечты опасны для мечтателей.

* * *

Стены зала Великого Повелителя были украшены тремя стягами: по одну сторону с драконами Триархов, запечатленными в вечной погоне, кружащимися вокруг черного цветка клевера, что символизировал изгнание; с другой виднелись пять звезд норчианских кланов, а в центре – аврелианская роза, закрывающая собой те пять звезд, – эмблема Нового Питоса.

Сегодня вечером на пиру в честь Джулии законнорожденные каллиполийцы присоединились к Радамантусу за высоким столом под питианским стягом, а полукровки пиршествовали за своим столом для низкорожденных, вытеснив

норчианских старейшин из Клана Торнроуз, которым обычно дозволялось разделить эту честь. Когда я проходил мимо Скалли, своего инструктора из драконьих конюшен, что сидел среди представителей своего клана с Леари Торнроузом, предполагаемым Верховным Правителем норчианцев, которые пытались позвать меня к себе, то не без удовольствия склонился, демонстрируя сожаление:

– Сегодня прислуживаю за столом для высокопоставленных повелителей, господа. Возможно, я найду кого-нибудь, кто заменит меня.

Мое пренебрежение титулом «Ваше Высочество» не прошло незамеченным, но мне было приятно увидеть их недовольные лица. В прежние времена пять кланов самолично избирали правителя, и клан Торнроуз не считался важнее всех остальных. Аврелианцы повысили их статус, даровав высокое положение в Крепости и в армии, сделав их предателями по отношению к остальным кланам. Лицо Леари, выкрашенное в голубой цвет при помощи сока вайды, цвет, символизирующий его клановую колонну, представлялось церемониальной насмешкой над его королевским величием, и я не удостоил его взглядом.

Во всяком случае, ни один из сыновей Леари или Скалли никогда не служил в рядах наездников драконов. Торнроуз не обладал оруженосцами, поскольку Радамантус посчитал слишком опасным предоставить столько привилегий одному клану. И поэтому, хотя меня никогда не приглашали за стол

для высокопоставленных господ, таких как клан Торнроуз, сегодня вечером именно я буду прислуживать там, а их просто отодвинули в сторону.

Я поднялся на помост, и драконорожденный ребенок соскользнул со своей скамьи за детским столом, радостно улыбнувшись мне, его мрачное траурное одеяние ярко контрастировало с его беззубой детской улыбкой.

– Грифф! Небесный мастер!

– Юный господин Астинакс!

К этому маленькому господину, в отличие от предателей из клана Торнроуз, я испытывал искреннюю симпатию. Астинакс – младший сын Великого Повелителя Радамантуса. У него были аврелианские, остриженные под горшок рыжевато-каштановые волосы, золотистая кожа и черные глаза; и по какой-то странной причуде судьбы он оказался гораздо добрее Роуда и Роксаны, вместе взятых. Хотя, возможно, я был излишне снисходителен, потому что он еще мал, чуть старше Бекки и немного моложе Гарета. Драконорожденные напоминали диких животных: они казались ласковыми, пока не набросятся и не загрызут до смерти. С нежностью взъерошив мягкие волосы Астинакса, я заметил за столом Роуда, не сводящего с меня гневного взгляда:

– Ступайте, юный господин.

Я отправился на кухню, чувствуя, как тяжелеют ноги при мысли о том, что мне придется прислуживать Иксиону. Собравшиеся на кухне наездники смирения сплетничали на но-

рише, разнося подносы с яствами и кувшины с вином. Узнав, что я буду прислуживать Иксиону, Фионна в ужасе прижала руку к губам:

– Перевели? Да помогут тебе драконы!

– Спасибо, Фионна.

Брэн, оруженосец Роуда, взглянул на Фионну и вскинул густую бровь. Он был на голову выше меня, а я – на голову выше Фионны, потому он нависал над ней подобно скале. Поднос с блюдами балансировал на его длинной руке.

– Грифффу просто нужно запомнить, что на этот раз не стоит красоваться в небе.

Фионна хихикнула, и полоса ожога, тянувшаяся от ее уха, порозовела, слившись с графином вина, который она держала в руке.

– А ты? – спросила я Фионну.

Фионна прислуживала Джулии. Ее игривая улыбка погасла:

– Теперь я у Роксаны.

У Роксаны Аврелианки не имелось служанки с тех пор, как удалили Мабалену. Но мы никогда не говорим о Мабалене.

Брэн слегка коснулся локтя Фионны.

– Все будет хорошо, – пробормотал он, и прикосновение длилось чуть дольше обычного, чтобы я обратил на него внимание.

Он тоже заметил и в мгновение ока отдернул руку.

Отлично. Потому что, если между ними что-то происходило, лучше не выставлять это напоказ. Подобный союз драконорожденные никогда не одобряют.

За столом звучали тосты в честь Джулии, и шум голосов на заднем фоне отвлекал меня от мыслей о яствах для Иксиона. Драконорожденные, с которыми я никогда не разговаривал и которые, вероятно, даже думали о Джулии, скрипя зубами от ненависти, еще когда она была жива, теперь красноречиво рассуждали об ее отважной душе и стойкости и о том, что она прославила имя своего отца. Как будто никогда не осуждали ее за то, что она на каждом шагу нарушала их обычаи и устои. Именно по ее настоянию женщин начали представлять драконам, а затем они стали принимать участие в турнире на звание Первого Наездника.

В турнире, который она выиграла.

Полеты с Джулией всегда напоминали гонки с бурей. Бег по краю. И больше мне уже никогда так не полетать.

Я не ел с самого утра, но адреналин, бурливший в моей крови, когда я пытался вспомнить предпочтения Иксиона в еде, которые я когда-то знал, но которые за все эти годы позабылись, не оставлял места для голода, пока я неторопливо собирал угощения для Иксиона. И лишь когда я поставил перед ним главное блюдо, он заметил меня. Он поднял руку и резко схватил меня за запястье:

– Кто-то перебинтовал тебе руку.

Я посмотрел на тончайший, искусно скрученный бинт, ко-

торый моя семья никогда не смогла бы себе позволить и который ни один придворный лекарь не стал бы на меня расходовать. Дело, сидящий напротив, поднес к губам салфетку, и между его бровями появилась складка. Они с Иксионом сидели совсем недалеко от Великого Повелителя, восседающего во главе стола вместе со своей женой и самыми уважаемыми изгнанниками.

Иксион взглянул на Дело, по-прежнему не отпуская мою руку и сжимая ее пальцами. Фионна, которая разливала вино по бокалам драконорожденных, бросила на меня взгляд и вздернула брови.

– Дело, – произнес Иксион, – что ты думаешь об Антигоне?

Дело снова прижал к губам салфетку. Разговоры вокруг затихли, когда все осознали, куда клонит Иксион. Нестор, отец Дело, отставил кубок в сторону и склонил голову набок, словно хотел послушать, что скажет сын.

– О Первой Наезднице Каллиполиса? – Голос Дело был абсолютно спокоен. – Ничего. Мы почти не разговаривали.

– Ты ведь знаешь, что она не заслужила это звание. Лео вручил его ей. Так говорят. Он передал звание Первого Наездника простолюдинке.

Иксион по-прежнему не выпускал мою руку.

– Гм, – хмыкнул Дело, отрезая кусочек жареной рыбы-меч.

– Даже не знаю, кого из них мне хочется поджарить силь-

нее: предателя, любящего простолюдинок, или его распутную рабыню.

За столом загромыхали возгласы одобрения. Роуд поднял бокал, и все присутствующие присоединились к нему.

«Смерть узурпаторам, любящим простолюдинок».

Фионна выронила графин. Тот упал на пол, разбившись вдребезги и залив вином каменные плиты. Сидящие за столом драконорожденные, не обращавшие на нас никакого внимания, подняли глаза, будто только что вспомнили о нашем присутствии. Даже за столами попроще, где расположились полукровки и аврелианцы низкого происхождения, взглянули в нашу сторону; Нолан, один из оруженосцев полукровок, застыл на месте, втянув голову в плечи, наблюдая за нами с первого этажа. Фионна начала наклоняться, чтобы собрать осколки, но остановилась, когда услышала слова Иксиона:

– Фионна. – Глаза Иксиона вспыхнули. Он отпустил, наконец, мое запястье, и я выдернул руку, онемевшую от его хватки. – Что ты думаешь о Первой Наезднице Каллиполиса?

– Ничего, мой господин.

– Ты уверена? Уверена, что не восхищаешься ею?

Роксана, новоиспеченная хозяйка Фионны, посмотрела на нее с внезапно пробудившимся любопытством. Золотистая кожа Роксаны раскраснелась от вина, в то время как лицо Фионны залила смертельная бледность, и только шрам от

ожога выделялся розовым пятном на коже. Младшая сестра Дело, Феми, вступила в разговор:

– О, оставьте ее в покое.

Феми, как и Дело, терпеть не могла, когда издеваются над слугами. В основном, я думаю, из-за того, что это навевало на нее скуку.

Иксион перевел взгляд на Феми, а Фионна тут же опустилась на пол и принялась собирать осколки. Никто из наездников смирения не пытался ей помочь. Наученные горьким опытом, все они понимали, что сейчас не время проявлять солидарность.

Солидарность среди норчианских наездников всегда воспринималась как угроза.

– Осторожно, Феми, – сказал Иксион. – Не заставляй нас думать, что и ты любишь простолюдинов, как твой брат...

У Феми было два брата – Дело и ее близнец, Этело, но все и без того поняли, кого из братьев имел в виду Иксион. Служанка Феми, Мойра, собиравшаяся наполнить бокал госпожи водой, замерла, и Феми раздраженно взмахнула кистью, поторапливая девушку. Дело же положил в рот кусочек рыбы и спокойно начал пережевывать. Еще не закончив есть, он спросил:

– Тебе нужен ключ Гриффа сейчас или позже? – Иксион повернулся ко мне и медленно осмотрел меня с головы до пят.

– Сейчас, – решил он.

Дело подцепил пальцами цепочку, на которой висел ключ Спаркера, и снял ее с себя. Иксион улыбнулся мне, а Дело отвел взгляд.

«Взгляни на меня, заклинаю тебя драконами, ну посмотри же ты на меня...»

Но было бы безумием сделать это при всех. И он не делает. Иксион выхватил цепочку и повесил на шею. Сидящие за столом Электра, Радамантус и Нестор не проявили никакого желания продолжать этот разговор дальше: они просто смотрели на детей.

Иксион поднял свой бокал и улыбнулся Радамантусу. А затем обратился к присутствующим:

– Лео не единственный, с кем в последнее время переписывалась сестра. Я просматривал ее бумаги и обнаружил кое-что любопытное.

Иксион обладал несравненным даром завладевать вниманием стола. Радамантус опустил кубок.

– Джулия, – продолжил Иксион, – также переписывалась с Фрейдой, принцессой Бассилеи. Они стали настоящими подругами по переписке.

Эта новость поразила всех присутствующих, в том числе и меня. С другой стороны, Джулия действительно много с кем переписывалась. Однако Бассилея – империя, раскинувшаяся на материке, чьи границы простирались с восточной стороны от наших берегов и удалялись в Медейское море, – славилась своей обособленностью.

– Дочь Божественного Короля? – рывкнул Нестор, и в его голосе прозвучало недоверие. – И о чем они могли переписываться?

– Среди множества тем, которые они обсуждали, нашлась одна, которая заслуживает отдельного внимания: их обеих окружают старики, которые недооценивают их способность к полету.

Нестор побагровел. Иксион улыбнулся ему. Роксана фыркнула в ладонь.

– Фрейда тоже потребовала дракона? – удивленно спросил Радамантус. – Похоже, каллиполийцы вдохновили многих драконорожденных леди по всему Медейскому побережью.

– Это нарушение порядка наследования, – пробормотал Дело, промокая губы салфеткой, и поднял взгляд.

Иксион согласно кивнул, по-прежнему улыбаясь.

– Думаю, необходимо посетить Васк. Чтобы сообщить принцессе о кончине подруги. И о причине ее смерти. Может, она проникнется нашим замыслом.

– Мы уже пытались заполучить союзников в Бассилее, – заявил Радамантус, отмахиваясь от предложения. – Им это неинтересно. Особенно после эмбарго, введенного Медейской Лигой.

– Это не было интересно, – поправил его Иксион, – Божественному Королю. Но мы никогда не пробовали заинтересовать его дочь. И, как верно заметил Дело, ее статус насле-

дования может... измениться. – Иксион поднес бокал к губам, прежде чем добавить: – Она как раз в подходящем для замужества возрасте.

Ах.

Тогда Фрейде осталось уповать только на бога.

Радамантус бросил взгляд на Нестора:

– Мы просмотрим письма Джулии и обдумаем это.

Позже, когда пиршество уже подходило к концу, Иксион поднялся из-за стола, чтобы удалиться восвояси, но вспомнил обо мне. Он приказал мне отправиться с ним, чего я, впрочем, и ожидал, хотя каждая клеточка моего тела сжалась от волнения. В самый разгар вечера я потерял Дело из виду, полностью сосредоточив свое внимание на Иксионе, и мой желудок сжимался от тошнотворной смеси страха, отвращения и нетерпения. Поэтому я не знал, видел ли Дело, как мы вышли из зала.

Покои Иксиона находились дальше по коридору от комнат Джулии, и это место было болезненно знакомо мне после долгих лет ночных свиданий в крыле Дворца, принадлежащего Грозовым Бичам во Временном Дворце. Войдя в комнату, Иксион тут же рухнул в кресло, а я зажег свет. Эту часть работы я тоже не выполнял довольно долгое время: Дело всегда отпускал меня, не позволяя мне прислуживать ему словно лакей. Роскошь, которую я не принимал в расчет, привыкнув к ней. Когда я опустился на колени, чтобы расшнуровать ботинки Иксиона, прежние навыки вернулись ко мне,

подобно действиям, сохраняемым мышечной памятью. Я помог Иксиону раздеться и облачиться в пижаму, стараясь сосредоточить взгляд на чем-то другом в этой комнате, кроме объекта своей ненависти. Я уставился на его заваленный бумагами стол, который стоял рядом с высоким книжным стеллажом.

«Так стыдно, что ты не умеешь читать», – однажды заметила Джулия.

«Ты могла бы научить меня».

В ее ответе прозвучала тогда лукавая насмешка:

«Но тогда ты бы знал, о чем я пишу».

Боль пронзила мою ладонь. Я опустил глаза.

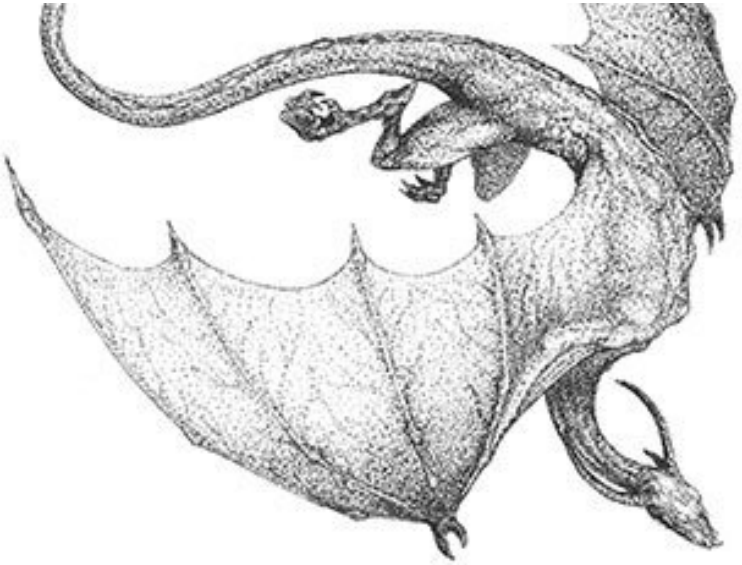
Иксион схватил меня за руку. Он снова принялся тереть повязку, разглядывая ее. Затем он посмотрел мне в лицо, чтобы увидеть мою реакцию. Я чувствовал запах вина, исходящий от него, и в слабо освещенной свечами комнате смутно различал цепочку с ключом от моего дракона поверх его пижамной рубашки. Совсем близко.

Дрожащими от хмеля пальцами Иксион сорвал с меня повязку Дело и отбросил на пол. А затем, не переставая скалиться, впился пальцами в порез, приоткрывая края раны.

– Так-то лучше, – сказал он. – Спокойной ночи.

5

Дочь Саутсайда

ЭНИИ

На первом заседании Военного Совета, на котором я присутствовала вместе с генералом Холмсом и Первым Защитником, мы обсуждали воздушное нападение на Новый Питос, планируя его на позднюю осень. Это должно было слу-

читься прежде, чем холод начнет замораживать драконье пламя, но после того, как большинство драконов нашего флота вспыхнут. Новый Питос был хорошо укреплен, но его нельзя назвать несокрушимым. Холмс считал, что ответный удар уже давно последовал бы.

Я слушала его, думая одновременно о том, что впервые с момента дуэли Ли оказалась в компании Атрея Атанатоса. Он сидел во главе длинного стола, а я находилась на другом его конце. Атрей ни разу не взглянул на меня с начала заседания. Он больше слушал, чем говорил, и вопросы на рассмотрение выносил Холмс. Привычный серый китель Первого Защитника, ярко контрастирующий с военным обмундированием остальных, заставил бы менее представительно-го человека померкнуть на заднем плане. И я чувствовала каждое его движение, словно заяц, чующий присутствие ястреба над головой.

Человек вроде Атрея никогда не смиритсЯ с препятствиями у себя на пути.

Приготовленные мной записи скомканными лежали у меня на коленях под столом, и к тому времени, как подошла моя очередь выступать, я столько раз сворачивала и разворачивала их, что они сделались мягкими, как ткань.

– Антигона?

– Я хотела предложить несколько иную стратегию.

Я была самым младшим офицером за этим столом и единственной женщиной. После принятия звания Первой Наезд-

ницы мне стало намного проще выступать на публике, однако сейчас уверенность, похоже, покинула меня. Собственный голос казался мне чересчур визгливым и, к моему ужасу, слегка дрожал. Я не могла взглянуть не только на Атрея, но и на других старших офицеров, которые сейчас вопросительно смотрели на меня сквозь стекла очков.

– У нас есть причина полагать, что питианцы используют в качестве наездников низший класс. Вероятно, из коренного норчианского населения острова. Они летают на драконах в намордниках.

За столом все внезапно всполошились. Начальник штаба генерала оторвался от своих записей, единственный офицер, который был не намного старше меня.

– И почему мы слышим об этом впервые? – поинтересовался он.

Я, немного растерявшись, перевела взгляд на Холмса. Он знал, что я общалась с питианцами, потому что рассекретил меня. Однако не могла сейчас упомянуть об этом неразрешенном рискованном предприятии. К моему облегчению, Холмс поднял руку, обращаясь к начальнику штаба:

– Все в порядке, полковник Ортос. У вас есть доказательство... что подобный класс наездников существует, Антигона?

Ортос. Почему эта фамилия кажется мне знакомой?

Когда я киваю, Холмс, к моему облегчению, не задает больше вопросов. Я снова развернула свои записи, но даже

не взглянула на них:

– Я предлагаю заручиться поддержкой тех наездников. Норчианцы наверняка хотят избавиться от правления драконорожденных, как хотели этого простые люди Каллиполиса. Они могли бы стать для нас ценными союзниками. Но этого не случится, если мы начнем сжигать их дома.

У меня задрожала рука, и я почувствовала, как кровь прилила к голове, жаром разливаясь по шее. Однако воротник моей формы был достаточно высок, да и в мрачном свете военного зала этого никто не заметит.

Начальник штаба Холмса снова вмешался в разговор, и его дворцовый акцент резанул мне по ушам:

– Если это вопрос силы духа...

И вдруг до меня дошло: он говорил о *моей* силе духа. Словно я предлагала другой вариант решения проблемы, потому что была излишне впечатлительна.

Два седовласых генерала переглянулись друг с другом.

Я сжала кулаки под столом.

Что мне там говорил Кор перед моим назначением? *«Если ты хочешь, чтобы они прислушались к твоему мнению, тебе нужно их уважение».*

– У меня достаточно силы духа, чтобы сжечь столько питианских простолюдинов, сколько потребуется, но я бы предпочла избегать лишних смертей в тех случаях, когда это идет вразрез с нашими стратегическими целями.

Слово «простолюдин» было запрещено со времен Рево-

люции, но я обронила его, словно перчатку, зная, что в этой комнате я единственная, к кому оно относится. Сидящий на другом конце стола Атрей забарабанил пальцами по столу, тонкие губы начальника штаба искривились, а я в ответ злобно посмотрела на него.

Брови Холмса практически взлетели на лоб:

– Думаю, нам надо разведать все более подробно, прежде чем обсуждать стратегические возможности этих... наездников низшего происхождения.

Вполне разумно. Итак, я предложила первый шаг:

– В таком случае нам необходимо провести разведку, перед тем как организовывать нападение. Наши карты Нового Питоса давно устарели. Мне хотелось бы точно определить цели и сделать обзор территории, чтобы минимизировать возможные потери.

– Мы могли бы послать разведотряд, – сказал начальник штаба.

Я уставилась на него. Если мне не послышалось, то он точь-в-точь повторил мои слова. Холмс кивнул ему:

– Думаю, это отличный компромисс. Это вас устраивает, Антигона? И неплохой способ разузнать побольше об этих наездниках на драконах в намордниках.

Члены Военного Совета дожидались моего ответа, а начальник штаба благосклонно улыбнулся мне. Больше никто, казалось, не заметил того, что сейчас произошло. Неужели я настолько неучтивая и невежливая, чтобы цепляться к этому?

Какая разница, если они не заметили, что именно я попросила о том, что они решили мне предоставить?

– Мне кажется, – раздался бесстрастный голос с другого конца стола, – разведывательная операция была предложена именно Первой Наездницей.

Я подняла глаза на Атрея, и на его губах появилась едва заметная улыбка.

Я не сводила с него глаз. Я ошибаюсь или Атрей действительно поддерживает меня?

Самодовольная ухмылка сползла с лица начальника штаба, но Холмс этого даже не заметил.

– Отлично! – воскликнул он, взмахнув рукой. – Тогда отправим пару небесных рыб, как только позволит облачность.

* * *

Вернувшись в Обитель на собрание военных корпусов, я быстро оповестила стражников об изменениях в решении Военного Совета о нападении, а затем впервые рассказала о драконе в наморднике, которого мы с Пауэром увидели, когда возвращали тело Джулии. Реакция наездников была вполне предсказуема: мне пришлось дожидаться, когда исчезнут выражения ужаса на лицах, а деревянные кресла переговорной комнаты перестанут скрипеть под весом встревоженных стражников. Члены Военного Совета, возможно, и не понимали, что намордник означает для дракона или его

наездника, но мы знали это очень хорошо.

Мы отлично представляли это чувство.

Когда с осевшей трибуны я обратилась к рядам окружающих меня стражников, то на мгновение порадовалась тому, что мой голос, по крайней мере перед этой аудиторией, прозвучал уверенно:

– Холмс собирается отправить разведывательный отряд небесных рыб, чтобы определить цели и проанализировать ситуацию с наездниками на драконах в намордниках. Мне хотелось бы неофициально расширить это предприятие с целью проведения пропаганды. Можно ли привлечь кого-то из этих наездников? Наладить с ними связь?

– Как? – спросил Лотус. – Никто из нас не говорит на норише.

Нориш, язык норчианского населения Нового Питоса, был похож на каллийский, однако давно не использовался, потому что общение между двумя народами стало невозможным.

Если только эти наездники не научились говорить на языке своих угнетателей.

– Наездник низшего происхождения, которого мы встретили, бегло говорил на драконьем языке.

Пауэр сидел в дальнем ряду рядом с Дарием.

– Могу подтвердить. Он говорил лучше Антигоны.

– Спасибо, Пауэр.

Лотус присвистнул:

– Ну конечно. Я полечу.

Лотус, сын знаменитого поэта из патрицианской семьи с Яникула, с детства говорил на драконьем языке, как и Ли.

– Я тоже, – заявила Крисса, подняв руку. – Мои навыки рисования могут пригодиться для составления карт.

Дак тоже поднял руку:

– А разве не я должен лететь вместо Лотуса? У Криссы вполне приличный драконий, а мой дракон единственный из небесных рыб, кто вспыхнул.

– Вот и я о чем, – пробормотал Лотус.

Рок хлопнул его по плечу:

– Это случится со дня на день, дружище.

Кор заерзал в кресле. Наши взгляды встретились. Дак рассуждал вполне здраво, но был один момент, который сводил все на нет: в прошлом случалось, что он терял голову, когда на него давили или когда он был ранен, а я, что куда важнее, сама выходила из себя, когда он получал травму, да и Кор тоже.

Дак, покраснев, бросил сердитый взгляд на меня, а Лотус обмяк в кресле, скрестив руки на груди. В дальнем конце комнаты Алекса что-то прошептала Дейдра, прикрываясь ладошкой, отчего та захихикала.

На данный момент, когда усталость определяла настроение большей части военных совещаний, капелька легкомыслия – неплохой знак. Однако этому было радоваться трудно, особенно когда подозреваешь, что это все происходило

за твой счет. Меня охватило нетерпение, потому что одно дело – вершить справедливость на площадях Каллиполиса, где распределялось продовольствие, и совсем другое – со стражниками, сражающимися за возможность рискнуть своими жизнями.

Я развела ладони, стоя на трибуне.

– А пока все наездники небесных рыб начнут тренироваться в ожидании возможного участия в разведывательной операции.

Мой взгляд упал на дверь, где я заметила одинокую фигуру, застывшую в дверном проеме.

Ли.

Я не приходила к нему с того самого дня, как пришла в лазарет и застала у него Криссу, постоянно убеждая себя в том, что слишком занята. А теперь, спустя неделю, увидев его на ногах и в форме, я ощутила накатившую на меня неуверенность, которая пригвоздила меня к трибуне. Остальные, заметив мой взгляд, оглянулись через плечо. Большинство из них впервые увидели его после дуэли.

И прежде чем я успела что-то сказать, Рок вскочил и прижал кулак к груди в революционном приветствии:

– Добро пожаловать, гражданин.

Ли сглотнул. А затем кивнул, вскинув кулак в ответном приветствии.

Один за другим стражники последовали примеру Рока. Пауэр и Дарий остались сидеть на месте, но таких было мало.

– Спасибо вам, – пробормотал Ли, и приветствия сменились аплодисментами.

Стражники окружали его, пока я раздавала графики дежурств в конце собрания. Они хлопали Ли по плечу, приветствуя его, обнимая. Я наблюдала, как он отвечает на проявление их чувств с прежним изумлением, смешанным с неловкостью, на этот раз более неприятной, теперь, когда я неуклюже старалась занять его место. А ведь у него всегда получалось это столь непринужденно.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем все разошлись и мы остались вдвоем.

Он выглядел гораздо лучше, его темные волосы были аккуратно зачесаны назад, а бледное лицо слегка порозовело. Из-под рукавов формы выглядывали бинты. Я посмотрела в серые глаза Ли, пытаюсь понять, что происходит в его душе: тот ли это Ли, которого я знаю, или же передо мной Ли, улыбающийся тем ужасным оскалом в больничной палате.

Он потупил глаза в пол:

– Как ты?

Похоже, передо мной стоял прежний Ли. По крайней мере, на данный момент. И как легко было притвориться, что некоторые слова никогда не звучали. В этом мы с Ли специалисты.

– Тушу пожары, – ответила я, закидывая ранец на плечо. – Оказалось, на этой работе приходится часто делать нечто подобное.

Губы Ли скривились:

– Прости. Мне следовало предупредить тебя.

На его форме не имелось знаков отличия, за исключением крыльев Четвертого Ордена. Медаль Первого Наездника, которую он когда-то получил, теперь красовалась на моей груди, куда он приколол ее после дуэли. Порывшись в ранце, я достала знак, предназначавшийся ему, – знак начальника эскадрона аврелианцев. Его прежнее звание, которое он делил с Кором и Криссой до турнира на звание Первого Наездника.

Он взял значок, мельком бросив взгляд на медаль Первого Наездника у меня на груди.

– Спасибо, – поблагодарил он.

Мы вместе вышли из зала заседаний и направились по коридору Обители в трапезную, где уже начали подавать завтрак. Стояла поздняя осень, в каменных очагах полыхал огонь, и стражники сгрудились в конце столов поближе к теплу. И лишь когда мы встали в очередь за кашей, я, заметив взгляд Ли, вспомнила, что изменилось с того раза, как он находился здесь. Рядом с кастрюлей с кашей висел плакат, нацарапанный рукой Рока и гласивший:

4 половника – порция золотых

1 половник – порция железных

Пожалуйста, обслуживайте себя со всей ответственностью и возвращайте лишние порции, которые будут распределены между служащими

Обитатели.

Губы Ли мрачно искривились. Понизив голос, чтобы двое стражников из патрициев, стоящих перед нами в очереди, не слышали, я объяснила:

– Мы с Роком начали делать это, узнав, что некоторые наездники выбрасывают излишки.

Мы с Роком жили на горных фермах во время последнего голода в Каллиполисе – того самого, что привел к восстаниям, которые переросли в Революцию. Мы были среди тех немногих стражников, кто помнил, что значит голодать.

И Ли тоже. Возможно, его семья и не бедствовала во время голода, но в период после Революции мы с ним вместе голодали в приюте. Поэтому я не удивилась, заметив, что он помрачнел еще сильнее. Он смотрел, как я накладываю себе порцию, – один половник, надеясь, что другие последуют моему примеру, даже если после этого мой желудок будет урчать от голода. Ли молчал, пока мы не уселись за стол.

– Я забыл о классовом расслоении в выдаче продовольствия.

Так вот почему он помрачнел. Дело совсем не в том, что стражники разбрасывались едой.

– Теперь это происходит каждый день. Раз ты вернулся, больше не забудешь об этом.

До этого момента я даже не осознавала, как сильно мне не хватало Ли. Не его лица, но его движений: как он сидит, как напрягаются мышцы на предплечье, когда он придвигает к

себе миску с кашей, как небрежно отбрасывает со лба волосы, глядя на почти пустую миску. Ли даже кашу ест красиво.

И я не могла избавиться от воспоминаний о том, как эти руки прижимали меня к его телу, как мои губы касались его шеи... А затем он вдруг тихо произнес:

– Энни, как нам это остановить?

Я отвела взгляд от его лица и начала судорожно шарить в поисках ложки.

– Остановить что?

С неожиданно вспыхнувшей злостью Ли отпихнул от себя миску:

– Вот это. Все, что творит Атрей. Люди получают разное количество продовольствия исходя из принадлежности к разным сословиям. Когда мы собираемся избавиться от этого негодяя...

Его голос становился все громче, а прозвучавший в нем гнев обострил мои чувства до предела. Это было так не похоже на Ли, что люди начали оборачиваться. Кор тоже, и на его лице я увидела удивление.

Месяц назад я обратила внимание, что теперь совсем иначе воспринимаю слова, и дело было не в том, что именно говорил Ли, а в том, что это слышали другие. Подобный разговор не стоило выносить на всеобщее обозрение. Не сейчас, когда угроза войны и несправедливое распределение продовольствия перешли все моральные границы.

– Говори тише. И доедай кашу. Мы поговорим после, в

арсенале.

Мне казалось, что полет на драконах поможет нам немного остыть. Но в арсенале, скидывая с себя, как всегда, одежду, чтобы втиснуться в огнеупорные костюмы, я в какой-то момент поймала себя на том, что не могу оторвать от него взгляд, а он смотрит на меня в ответ, отчего я снова почувствовала, как знакомый жар начинает расплзаться по моей коже. А затем я увидела его новые ожоги, бледные и сияющие, – раны, не зажившие до конца после дуэли, словно штрихи, нанесенные на карту.

Я отвернулась, чтобы прийти в себя, и заговорила, не глядя на него:

– Вот в чем дело, Ли. – Я застегнула молнию на огнеупорном костюме под горло и взяла кирасу. – Атрей, конечно, негодяй, но он не представляет серьезной угрозы. Верховный Совет поддерживает тебя, не говоря уже о Яникуле, благодаря Доре Митрайдс. Расслоение в продовольственной программе – это ужасно, но я довольно долго просидела на пайке для железных и могу утверждать, что это гораздо лучше, чем порой бывало в Элбансе. «Эту зиму мы протянем». Только если город не начнет истязать себя на части волнениями. На Новом Питосе ждут нашего поражения. Знаешь, как Иксион назвал меня, когда я возвращала тело Джулии?

Я обернулась к нему, доставая нарукавники из шкафчика. Ли сидел на скамье, зашнуровывая ботинки, но когда поднял голову, то я заметила на его лице изумление от того, что я

вот так просто назвала брата Джулии по имени.

– Он назвал меня стервозной простолюдинкой и сказал, что я принадлежу ему. – Ли поморщился, и его пальцы стиснули шнуры. – Вот с чем мы боремся. Не с Атреем.

Он стиснул зубы. На мгновение мне показалось, что я достучалась до него. А затем он поднялся, отвернувшись от меня, и сказал:

– За последний месяц ты стала неплохим оратором.

ЛИ

Раны только начали заживать, но я больше не мог находиться в палате, чувствуя, как больничные стены давят на меня, и с нетерпением ожидая, когда, наконец, выйду из лазарета. Обитель, трапезы с другими стражниками, домашние задания, которые мы выполняли у камина в оранжерее, Пэллор, мчащийся над ареной, – все это я представлял себе с особой красочностью и невероятно тосковал. Представлял все в малейших деталях, чтобы отогнать воспоминания о дуэли.

Но сейчас, обнаружив, что абсолютно ничего не изменилось, я почувствовал ярость.

Как все они могут заниматься своими делами, следуя программам Защитника, словно ничего не изменилось?

Человеком, по которому я скучал больше всего и который не появлялся, в отличие от других стражников, просачивавшихся в лазарет и нерешительно приветствующих меня, пы-

тающихся неуклюже подбодрить и утешить, была Энни. Но она так и не вернулась, и я знал почему. Слова, сорвавшиеся с моих уст в утро после дуэли, смутно всплывали в памяти, но я отчетливо помню слепую ярость и ее лицо перед уходом. Покидая лазарет, я думал о том, чтобы извиниться. Но чем больше я видел, тем меньше мне того хотелось.

Почему Энни согласна с тем, что происходит? Как она может защищать Атрея?

Но к Пэллору я, по крайней мере, смог вернуться без гнева и стыда. Когда я подошел к гнезду, он с такой радостью выскочил мне навстречу, что она захлестнула меня в ответ и на мгновение переполнила нас обоих.

– Я тоже скучал, Пэл.

Я захватил с собой корзину с рыбой из дворцового хранилища, подготовленную зрителями. Пэллор с довольным видом поджаривал рыбу, жадно поглощая угощение, пока я, не отрываясь, смотрел на него. Отметины от когтей, оставшиеся после поединка, быстро заживают, а зрители до блеска начистили его серебристую чешую и когти.

– Новая упряжь для тебя.

Седло и уздечка были уничтожены во время сражения. Пэллор извивался под новой жесткой кожей, привыкая к новому снаряжению, и у меня перехватило дыхание, когда я взобрался к нему на спину. Стараюсь не думать о том, каково это было две недели назад, когда я собирался встретиться с Джулией.

Сквозняк в пещере охлаждал мое лицо, пока мы направлялись к выходу.

Мы вылетели из логова через ворота арены, и Пэллор опустился на каменную площадку Орлиного Гнезда без моих наставлений. Знакомые полукруглые, напоминающие чашу стены окружали нас, а карстовые колонны нависали сверху, сияя в послеполуденном солнце. Драконы сновали в воздухе у нас над головами, паря в потоках свежего осеннего ветерка. Несколькими ярдами выше в солнечных лучах просвечивались янтарным светом крылья Аэлы, в то время как Энни наблюдала, как тренируются другие пары наездников.

Последний раз, когда я видел горн, использовавшийся на подготовке к турниру Первого Наездника, теперь болтающийся у нее за спиной, он был у меня.

– Ты идешь? – позвала Энни.

Я взглянул на наездников, кружащихся над нами, тренирующихся, готовящихся к войне, и, представив, что присоединяюсь к ним, почувствовал, как во мне что-то оборвалось.

– Сейчас.

Энни не торопила меня. В небе над нами она приступила к тренировочным воздушным боям. Пэллор слегка подтолкнул меня носом, и я устроился на каменной скамье рядом с ним, а когда он склонился к моей руке, я начал почесывать его зудящие под рогами места. И нам обоим ужасно нравилось сидеть вот так, рядышком друг с другом.

Меня настолько поглотили почесывания Пэллора, что я даже не заметил, как рядом со мной уселся Кор:

– Не возражаешь?

Кор не пытался завязать разговор. Во время коротких посещений лазарета он вел себя так же немногословно и грубовато, никогда не обсуждая поединок и не спрашивая с застенчивым видом, как другие, как я себя чувствую, за что я был ему благодарен. Маурана свернулась около него, и ее дымчато-серое тело выглядело невероятно огромным по сравнению с более изящным серебристым Пэллором. Мгновение драконы внимательно изучали друг друга, их зрачки превратились в узкие щелочки, а колючие хвосты со свистом рассекали воздух, после чего они полностью потеряли интерес друг к другу. Они свернулись калачиком на каменных плитах, нежась в лучах осеннего солнца, а мы с Кором, откинувшись назад, наблюдали за тренировочными боями в небе. Энни проводила тренировку небесных рыб для разведывательной операции, используя аврелианцев для преследования во время оттачивания маневрирования.

– Она неплоха, – наконец-то выдавил я из себя. Мне не хотелось, чтобы это прозвучало так сдержанно и неохотно, но так случилось.

Кор не уточнил, о ком я. Он следил за кем-то другим.

– Да. Но знаешь, кто плох?

Дак сюр Керта. Их движения были настолько предсказуемыми, что преследователи постоянно их настигали. И к тому

же они всегда замедляли скорость.

– Почему он продолжает вести себя так, словно можно до бесконечности начинать сначала? Это не спортивная тренировка.

– Да, – отозвался Кор, нахмурившись. – Я надеюсь, что дракон Лотуса все-таки вспыхнет и тогда полететь сможет он.

Когда Дак допустил одну и ту же ошибку в третий раз, Энни прекратила терпеливые объяснения и разразилась криками. Кор закрыл голову ладонями, а я вскочил Пэллору на спину.

Приятно было летать в таком небе, как сегодняшнее: безоблачном, синем, свежем, как яблоко. Пэллор фыркнул от восторга, напрягая свои крылья на ветру, и на мгновение его радость передалась мне.

Но затем я отмахнулся от чувств Пэллора, мысленно освобождаясь от него. Сейчас мне была необходима ясная голова.

– Эй, Дак!

Энни, Дак и Крисса парили на ветру чуть выше остальных тренирующихся пар. Услышав мой голос, они обернулись. Энни, кричавшая на Дака до моего появления, затихла и посмотрела на меня из-под сдвинутого набок шлема. Дак, который и так скрючился в седле, сжался еще сильнее при виде меня, словно понимал, что сейчас ему достанется еще больше. Крылья Керты сжались от напряжения, молотя по ветру, в струях которого мы все парили.

– Да? – отозвался Дак.

– Тебе нужно постоянно петлять, даже если тебя подбили, понимаешь? Это не подготовка к турнирам. Здесь не будет передышек.

Заметив прищуренный взгляд Энни, я догадался, что именно это она и втолковывала Даку. Аэла вскинула голову и фыркнула, выпустив столб пепла. Но взгляд Дака метался по моему лицу, как будто он увидел что-то впервые.

«Да, это так. Я рассказываю это тебе, потому что познал это на собственном опыте, идиот».

– Хорошо, – ответил он.

– Тогда повтори все сначала, и на этот раз я хочу, чтобы ты продолжал вертеться, сколько бы ударов ни нанесла тебе Антигона, понятно?

– Хорошо, – повторил Дак.

Крисса сюр Федра парила рядом со мной, пока мы наблюдали, как Энни и Дак начинают новый раунд. В этот раз, хотя петли Керты по-прежнему были удручающе предсказуемы, первая реакция Дака, когда он вскрикнул от боли после удара Энни, не привела к снижению скорости.

Так-то лучше.

– Не потренируешься вместе с нами? – спросила Крисса.

Она была в шлеме, но забрало подняла, и ее синие глаза внимательно изучали мое лицо. Узкие крылья и изящный хвост ее небесной рыбки переливался всеми цветами радуги на фоне осеннего неба.

Я почувствовал облегчение, когда после поединка она сообщила мне: «*Теперь мы друзья*». Я понимал, что с этим необходимо было разобраться, хотя чувства переполняли меня из-за всего, что случилось между нами, и попытаться все объяснить. Потому что, что бы я ни вообразил себе после нашего с Энни поцелуя, после того, как вернулся к Энни, после того, как сказал Энни то, чего говорить не следовало, единственным правильным решением было не встречаться ни с кем.

Но Криссе не требовались объяснения. И когда я извинился за то, что поступил неправильно, она лишь покачала головой:

– Обычно я предпочитаю сначала поговорить. Но, думаю, тюремная камера может сойти за смягчающее обстоятельство. Как бы там ни было... я сказала Энни прийти к тебе в ту ночь.

Как только она произнесла это, я подумал, что иначе и быть не могло.

– Почему?

Крисса повела плечом, вскинув бровь:

– Честно? Я устала от того, что вы ведете себя как идиоты.

Я изумленно расхохотался. Крисса тоже рассмеялась, пусть и немного смущенно. А затем сменила тему.

Мы остались друзьями. После нашего разговора она практически каждый день навещала меня в лазарете: приносила книги, как и тогда, когда я сидел в тюремной камере; шути-

ла и поддерживала разговор, когда я не мог разговаривать. Но была огромная разница; в то время как в тюрьме мы держались за руки и целовались, в лазарете же мы не прикасались друг к другу, хотя Крисса по-прежнему оставалась самым легким в общении человеком на свете.

И сейчас, когда она предложила потренироваться вместе, я вдруг осознал, что при одной только мысли о тренировочном воздушном бое у меня все внутри перевернулось. Но и от мысли о Криссе, оказавшейся беззащитной на вражеской территории, мне не стало легче.

– Да, конечно.

Мы разошлись по разным сторонам, а затем они с Федрой взлетели, а мы с Пэллором начали преследование.

Маневры Криссы сюр Федра в воздухе – великолепное зрелище. Драконы породы небесная рыба славились своей скоростью, ловкостью, а Федра весьма умело использовала эти качества в своих маневрах, так что почти невозможно было предсказать ее движения, которые гораздо стремительнее, чем у Пэллора. Мы висели у них на хвосте, изрыгая пепел, который не настигал их, отчего Крисса сюр Федра начала вести себя более дерзко, ныряя вниз, словно собираясь сделать петлю вокруг нас. Мы выстрелили, жар опалил бок Криссы, и она вскрикнула от боли, и крик эхом разнесся по пустой арене.

И внезапно я оказался совсем в другом месте. Там, где я не хотел быть.

– Джулия?

Столб пепла врезался мне в грудь – смертельный выстрел. Жар привел меня в чувство, но еще не до конца зажившие ожоги опалили острой болью.

Крисса поразила меня выстрелом, который я должен был отразить даже во сне.

Но я даже не заметил его.

Пэллор захныкал, моя боль передалась ему, и я понял, что у меня произошел всплеск эмоций. Выгоняя Пэллора из своих мыслей, я, сгорая от стыда, вдруг осознал, что только что произнес.

– Ли? – долетел до меня голос Криссы.

Мы были с ней не единственными, кто застыл в воздухе. Многие партнеры по спаррингу решили понаблюдать за нашей с Криссой тренировкой. Энни, прекратившая преследовать Дака, покачивалась на ветру неподалеку, глядя на меня прищуренными глазами, а ее рука с горном застыла на полпути, так и не прикоснувшись к ее губам.

Отлично.

Я натянул вожжи и направил Пэллора в Орлиное Гнездо.

ЭННИ

Так продолжалось уже несколько дней. Ли отказывался участвовать в учебных боях, а я не назначала его в патрули на северном побережье. Я знала, что в войсках шепчутся о том, что у него «огневой шок». Это выражение мы вычитали

в исторических книгах о бассилеанских войнах, в которых описывалось состояние повелителей драконов, которые после тяжкого сражения в воздухе некоторое время не могли снова участвовать в баталиях.

Мне все равно, как это называлось. Меня беспокоило, что, когда придет время для нападения на Новый Питос, мой лучший наездник не будет готов к битве.

Время от времени я замечала его с Криссой, но чаще всего с Кором. Мы снова не оставались с ним наедине.

Пока я не получила записку из Министерства Пропанды, разосланную всем стражникам, в которой говорилось, что с сегодняшнего дня вступает в силу решение об обязательных собраниях по поддержанию боевого духа, содействующих проведению металлических тестов; и графики этих посещений уже были составлены.

Я прочитала имя в списке рядом со своим, и у меня все сжалось внутри. Кор, сгорбившийся за одним из столов на застекленной террасе, тоже изучал внимательно список.

– Ты видел?..

Он резко взмахнул рукой:

– В общежитии.

Ли, нахмурившись, снимал постельное белье с таким видом, будто решал серьезную проблему.

– Нас снова отправляют на задания по поддержанию боевого духа, – сообщила я, протягивая ему график. – На этот раз в школы. Они хотят, чтобы мы с тобой отправились се-

годня в начальную школу Чипсайда.

Ли не взял у меня график.

– Нет, – ответил он.

– Что «нет»?

– Нет, я не пойду. Я не собираюсь быть цирковым пони для Атрея. Больше никаких собраний для поддержания боевого духа.

После бессонной ночи, проведенной за патрулированием, в которое я не отважилась отправить Ли, мне было нелегко услышать его ответ.

– Люди напуганы, и мы обязаны подбодрить их. Мне все равно, что ты думаешь об Атрее, но мне нужно, чтобы ты выполнял свою работу.

Его губы искривились:

– Мы по-прежнему говорим о поддержании боевого духа, Энни?

Значит, от него тоже не укрылись слухи об огневом шоке. Он отвернулся, рывком доставая чистые простыни из корзины с бельем, и начал застилать постель. Я видела, как напрягаются мышцы у него на спине, пока он натягивал простыни, и мне захотелось подойти к нему поближе. Чтобы ударить его?

Как такое возможно, что всего несколько недель назад я целовала этого юношу так, словно вся моя жизнь зависела от поцелуя? Теперь же мне просто хотелось схватить его и встряхнуть.

– Это власть, которую ты сам выбрал, – напомнила я.

Ли замер, упершись ладонями в постель, и взглянул на меня. А затем фыркнул, словно я, сама того не желая, неудачно пошутила, и эта шутка совсем не показалась ему смешной.

– Да, – ответил он, отворачиваясь от меня, – это так.

Желание ударить его ослабло. Вместо этого меня захлестнуло чувство вины.

– Ли...

– Я мог бы пойти.

В дверях с неуверенным видом застыл Дак, словно не знал, стоит ли ему входить.

– Простите. Я случайно услышал... ваш разговор.

Он стиснул зубы, вскидывая подбородок. Интересно, о чем он предпочел не упоминать? И я не понимала, что чувствую из-за того, что он прервал нас, – облегчение или ярость. Дак мне напомнил:

– Мы уже проводили подобные собрания вместе.

Ли засунул сложенные простыни в ящик.

– Это какая-то начальная школа в Чипсайте, Дак.

Его тон прозвучал настолько пренебрежительно, что у меня зашипало в глазах. «Какая-то начальная школа в Чипсайте?» Вот как он это называет? Это была наша школа. Грязная, бедная, шумная, но именно там мы прошли тест, который превратил нас из нищих сирот в стражников. Та школа дала нам все.

Почему он не смотрит на меня?

Дак повел плечами, отметая предостережение Ли:
– Я хорошо лажу с детьми.

ЛИ

Даже после того, как она ушла с Даком, мой гнев не утихает. На Атрея и его глупые собрания для поддержания боевого духа, на Энни, выполнявшую его приказы, словно он по-прежнему заслуживал их отдавать, на себя за то, что едва не заставил Энни расплакаться от обиды, презрительно отозвавшись о школе Чипсайда.

Когда дверь захлопнулась и я представил, как она уходит без меня, то почувствовал себя ослом.

Но я не знал, стало бы это извинением или же продолжением нашего противостояния, если бы я последовал за ней.

Закончив с бельем, я схватил ранец с книгами и направился в библиотеку.

После того поединка я вернулся к занятиям, однако сейчас, когда был не обременен обязанностями Первого Наездника, у меня появилось время наверстать упущенное. Благодаря Энни, освободившей меня от участия в патрулировании северного побережья и от боевых учений, я завладел всем временем мира.

Я все еще полыхал от гнева, когда лоб в лоб столкнулся с Кором.

Он выскользнул из кухни, прижимая к груди сумку, и замер, как только увидел меня.

– Ли?

– Что ты делаешь?

На лице Кора промелькнули эмоции. Наконец он расправил плечи и пробормотал:

– Я взял еды для моей сестры.

Мне даже не стоило спрашивать, для какой именно сестры. У Кора была только одна сестра, достаточно взрослая, которая прошла металлический тест, а ее неумение читать привело к тому, что ее причислили к железному классу – неквалифицированных. А это означало, что она получала даже меньше продовольственных карточек, чем ее родители из бронзового.

– Я понимаю, что, – Кор повысил голос, – воровать из кухни нечестно, и именно так и сказали бы Энни и Рок...

– В свое время мы с Энни частенько воровали с кухни в Элбансе.

Кор моргнул, посмотрев на меня:

– И у вас не было неприятностей?

– Только если нас ловили.

Улыбка медленно расплылась на лице Кора, а затем он разразился хохотом.

Я почувствовал, как напрягается мое лицо и происходит то, о чем я уже успел позабыть, – я тоже начал улыбаться.

А потом мы вместе с Кором отправились в город. Мало того, мы направились в Чипсайд. От радостного возбуждения, охватившегося меня при мысли о том, что я делаю нечто

запрещенное в том же самом районе, где должен был проводить собрание по поддержанию боевого духа, мое настроение еще больше улучшилось. Возможно, именно поэтому люди вроде Пауэра находят особое очарование в нарушении правил. Ты словно пытаешься выполнить штопорную бочку слишком близко от земли.

Его сестру Ану перевели с текстильной фабрики, где она работала прежде, на строительство бункера, как объяснил мне Кор, когда мы переходили через реку Фер. Плановые отключения электроэнергии, бункеры, пушки, грозно взирающие с аврелианских стен, – все это было частью городской мобилизации против угрозы воздушных ударов со стороны Нового Питоса. Улицы были усыпаны осенними листьями, а пропагандистские плакаты, изменившиеся в разгар продовольственного кризиса, теперь гласили: «Затяните пояса потуже во имя Каллиполиса», и я заметил еще один, сообщавший: «Распределение – значит справедливость для всех».

Кор тоже заметил его и поморщился:

– Ни стыда ни совести, правда? Министерство определяет справедливость как «каждый получает то, чего заслуживает».

Я впервые осознал, что, хотя мы с Энни по-разному относились к продовольственному расслоению, Кор вполне мог бы поддержать меня.

Пройдя через главную площадь Чипсайда, мы оказались у ворот, на которых виднелась надпись: «Не входить – Соб-

ственность Министерства», и увидели рабочих из железного сословия, перевозящих в тачках землю из ямы, которая вскоре должна была стать бункером, выложенным кирпичами из обожженной глины. Я заметил осунувшиеся лица с выпирающими скулами и кожей, покрытой землей и грязью. Я впервые осознал, что паек для железного сословия, который я получал из солидарности с Энни и теми, у кого хватает на это духу, гораздо проще растянуть на день, когда ты учишься, а не занимаешься тяжелым физическим трудом.

– Ана!

Кор махнул рабочему, который показался из-за земляной кучи рядом с ямой, катя перед собой тележку. Раньше я несколько раз видел сестру Кора и Дака, но сейчас с трудом узнал ее. Она с головы до ног была покрыта глиняной пылью. Она стянула шарф, прикрывающий нос и рот, обнажив полосу золотистой кожи, и улыбнулась.

– Как странно видеть вас обоих здесь, – сказала она.

Кор осторожно протянул ей сумку, и Ана взяла ее.

– Сыр и вяленые колбаски, – пробормотал он на дамианском языке, который я изучал в начальной школе. – Ты можешь взять перерыв?

Ана покачала головой:

– Уже брала.

– Могу я вам чем-нибудь помочь, офицеры?

К нам приблизился бригадир, явно встревоженный перспективой неожиданной встречи каллиполийских должност-

ных лиц со стражниками: как пока еще обучающиеся правители Каллиполиса мы обладали непростым статусом наблюдателей, которые однажды займут высокие посты. Кор нахмурился, уставившись на бригадира и уцепившись взглядом за его бронзовый браслет и округлые щеки.

За годы практики Кор научился молниеносно действовать, руководствуясь одними инстинктами. Я коснулся его руки и улыбнулся бригадиру:

– Нет, спасибо, мы уже собирались уходить. Продолжайте работать, гражданин.

Ана поцеловала Кора в щеку, поблагодарив того на языке их матери, и ушла, зажав под мышкой пакет. Бригадир с облегчением на лице поклонился нам, стоя рядом со своей стройплощадкой.

Оказавшись на центральной площади Чипсайда, Кор пнул ботинками грязь, не в силах выразить свое раздражение иначе. Чипсайд по любым меркам был не тем местом, где улучшалось настроение, но сейчас все стало только хуже. Витрины многих магазинов были заколочены из-за кризиса, улицы кишели нищими, а количество уличных торговцев значительно уменьшилось. Еще прошлым летом торговцы останавливали нас, предлагая попробовать фрукты, а сейчас, пока мы переходим площадь, никто, даже нищие, не смотрел нам в лицо.

Но мы в любом случае не могли им ничего предложить, потому что стражники давали обет бедности.

– Кор!

Я заметил девушку, торопливо пробирающуюся к нам сквозь толпу. Мы встречались с ней в Лицее, когда она посещала занятия драконьего языка в последнем семестре. На занятиях я никогда не видел у нее зеленого рабочего шарфа, который сейчас она повязала на голову.

– Мегара! – Кор с улыбкой сжал ее ладонь. – Что ты делаешь в Чипсайде?

Мегара улыбнулась.

– Прочесываю трущобы, – ответила она, позвякивая своим золотым браслетом. А затем обернулась ко мне: – Кажется, мы лично не знакомы. Меня зовут Мегара. Мегара Рупер.

Со времен учебы я помнил о ней только то, что она говорила столь же мало, как и я. Однако, несмотря на это обстоятельство, она буквально лучилась энергией. У нее была та же загорелая кожа и отчетливо звучащие гласные в говоре, как и у Кора, что выдавало в ней уроженку Хаймаркета или Саутсайда. Она стиснула мою руку в твердом рукопожатии.

– Мы с Мегарой знакомы с начальной школы, – объяснил Кор.

– И вместе ходили на Драконьи Выборы, – добавила Мегара. – Только те из нашего класса, кто набрал высокие баллы.

– Тебя отвергли? – спросил я.

Мегара улыбнулась, но в ее улыбке читалась грусть. У нее были поразительно яркие зеленые глаза.

– Моего брата тоже отвергли, – сказал я, повинуюсь какому-то неведомому импульсу.

Я очень давно не говорил о своей семье, но сегодня у меня возникло внезапное желание нарушить этот запрет. Как и приход в Чипсайд по неверной причине, это казалось безрассудным, а безрассудство – опьяняло. Кроме того, у многих каллиполийцев имелись братья и сестры, которых драконы не выбрали благодаря программе набора стражников, созданной новой властью. Это было уже не так важно, как в прежние времена.

– Он огорчился? – поинтересовалась Мегара.

Его пришлось оттаскивать от грозовиков, от которых он не желал уходить, чувствуя полное опустошение. Я согласно кивнул.

Странная улыбка вновь появилась на лице Мегары:

– И этого брата звали Лаэртес Грозовой Бич?

Услышав его имя, я почувствовал себя так, словно меня окатили ледяной водой.

– Не стоит скромничать, – продолжила Мегара, в упор глядя на меня, а Кор, стоящий рядом, взволнованно ковырял носком ботинка пыльную брусчатку площади. – Многим об этом известно. И они знают, что ты убил кровного родственника, чтобы доказать свою верность.

На протяжении долгих лет я думал о том, что, как только правда о моем происхождении выйдет наружу, меня подвергнут гонениям. Но теперь я собственными глазами видел,

что она не шутит и ей нет никакого дела до того, что я сын повелителя драконов и всего, что с этим связано. И я снова кивнул в ответ.

Мегара вскинула бровь:

– Если хочешь знать, то ты истинный герой Каллиполиса.

Она направилась через площадь к чипсайдскому драконьему пьедесталу, на ходу стягивая зеленый шарф, и ее длинные черные волосы рассыпались по плечам.

Кор ухмыльнулся:

– Ты мог хотя бы попытаться не выглядеть так самодовольно...

Я отпихнул его, и он захохотал. Когда мы возвращались во Дворец, мой шаг был радостно легкий.

ЭНИИ

Школьные собрания по поддержанию боевого духа проходились без драконов, поэтому мы с Даком пешком направились в начальную школу Чипсайда. В школе пахло, как и в моем детстве: воздух был наполнен смесью затхлого пота и хлорки, а окна, сделанные на месте зазоров в шлаковых блоках, из которых были построены стены, показались мне куда меньше, чем раньше. Тем не менее, в отличие от приюта Элбанс, у меня остались хорошие воспоминания об этом месте. В школе я всегда знала, что делать. Всегда могла все держать под контролем.

Пучок директрисы выглядел таким же тугим и безупреч-

ным, как и прежде, хотя и прибавилось седых волос. Когда она спросила у меня про Ли, я, запинаясь, отвечала, а Дак с любопытством смотрел на нас. Это, как и Холбин, было частью моей прошлой жизни, которую я почти с ним не обсуждала.

– Вы с ним были неразлучны, – вспоминала директриса.

Я кивнула, улыбаясь ей, чувствуя, как у меня перехватывает дыхание.

Как только мы вошли в класс, Дак уселся на стул с краю, а меня сопроводили к доске, представив нас как важных посетителей.

– Дориан и Антигона, Энни, – стражники, летающие на драконах. А вы знали, что Энни училась в нашей школе? – Вокруг раздались восхищенные возгласы. – Она прошла металлический тест, который вскоре ожидает и вас, и получила высокие баллы, благодаря которым ее выбрали для вступления в ряды стражников. Сегодня она пришла, чтобы рассказать нам о металлической системе.

Я должна была произнести стандартную речь, подготовленную Министерством Пропаганды, похожую на ту болтовню, которую я слышала в школе в этом возрасте; и я могла спокойно произнести ее, потому что выучила ее назубок. Но, возможно, было что-то в том, что я произношу речь именно здесь и сейчас, перед сорока юными лицами, – перед детьми, которых я поклялась защищать и которым угрожал Новый Питос, – и потому эти слова звучат для меня иначе.

Я услышала, что произношу то, что когда-то слышала от других, подобных мне.

Это чудо.

Когда нам впервые рассказали о металлическом тесте, я сначала не поверила. Тест, который позволит тебе стать кем-то значимым? Тест, который поможет получить дракона? *«Люди вроде нас не летают на драконах»*, – говорила я тогда Ли. Когда считала его одним из нас, очередным сиротой низкого происхождения.

Но я ошибалась насчет Ли и драконов. А когда пришел результат, моя жизнь изменилась.

Оглядываясь назад, я не могла вспомнить большую часть того, что там происходило. Письменный экзамен, где половина вопросов была из области математики и половина из логики, а иногда и настоящие моральные дилеммы. Экзамен по физической культуре, где мы соревновались в спортзале, а преподаватели наблюдали за нами, потому что тест предназначался не только для оценки ума или физических возможностей. Он нужен был для того, чтобы выявить истинные способности, для чего мы predeterminedены. Что и выразилось в четырех возможных результатах: золото, философская сторона, высшая ценность в управлении государством; серебро, духовная сторона, сословие военных; бронза, квалифицированный труд и железо – труд неквалифицированный. А в некоторых исключительных случаях духовная и философская стороны объединялись, и люди с подобными ре-

зультатами могли претендовать на вступление в стражники. По итогам тестов серебряные браслеты с золотыми вставками могла получить даже дочь крепостных вроде меня.

Вот за что мы боролись. Вот что я защищала.

Когда я закончила выступление, дети зааплодировали. Никогда в жизни я не слышала столь громких аплодисментов после своих речей.

Когда подошло время вопросов, я выбрала девочку, которая так высоко тянула руку, что ей пришлось привстать со стула.

– Вы когда-нибудь летали на драконе вверх ногами?

Следующий ребенок спросил:

– Когда вы в тот раз летали на турнире и делали вот так, – он начал выписывать руками невероятные фигуры, – что это было?

Он посмотрел на меня, больше ничего не объясняя и ожидая моего ответа.

– Гм...

– Вопросы о металлическом тесте, – напомнила учительница.

Лоб третьего ребенка блестел от пота, а лицо исказилось от напряженного усилия вспомнить, что он хотел спросить.

– Джереми?

– Мой папа говорит, что людям разных металлических классов выдают разные пайки, – выдавил из себя Джереми и плюхнулся на стул.

Учительница покрутила на запястье бронзовый браслет – большинство учителей принадлежали к бронзовому сословию, хотя среди них и присутствовало золотое сословие, но с куда более низким уровнем образования, – и перевела взгляд на меня, вдруг заволновавшись.

Дак подскочил со стула.

– Какая порода дракона быстрее, небесная рыба или аврелианец? – поинтересовался он у класса.

– Небесная рыбка! – хором выкрикнули дети.

– Правильно! А вот еще один непростой вопрос для вас: кто тяжелее, дракон-грозовик или...

Он продолжал говорить сначала об отечественных породах, потом об иностранных – «Сколько грозовиков потребуется, чтобы уничтожить голиафана?», – и в конце собрания дети радостно визжали от восторга, провожая нас довольными возгласами из класса.

Когда мы оказались на улице, Дак извинился:

– Надеюсь, ты не обиделась, что я встрял со своими вопросами. Я ведь знаю, какой ответ мы должны были им дать...

Одобренный в Министерстве ответ на вопрос о распределении продовольственных пайков гласил: *«Каждый получает паек, который заслуживает»*.

– Нет. То, что ты сделал, было гораздо лучше.

Но как только мы завернули за угол и оказались на площади Чипсайда, то увидели проходящий здесь митинг, посвященный тому, с чем мы только что столкнулись. Девушка

с длинными черными волосами, чье лицо скрывал зеленый шарф, кричала с помоста у подножия чипсайдского драконьего пьедестала, а ее крики эхом разносились над собравшейся толпой.

– Дочь Саутсайда желает достойных продовольственных пайков каждому! – выкрикнула она, вскинув в воздух кулак.

– *Достойный паек каждому! Достойный паек каждому!*

– Наши сыновья и дочери не станут больше пресмыкаться за мизерные пайки, пока золотые набивают себе брюхо!

С тех пор как началась продовольственная программа, я не впервые видела подобные митинги, но этот был самым крупным. И незаконным, потому что публичные выступления, которые угрожали покою города, были запрещены революционным законом.

– Справедливо – значит поровну! – скандировала она.

Толпа снова подхватила слова:

– *Справедливо – значит поровну!*

Девушка, назвавшаяся Дочерью Саутсайда, держалась уверенно и спокойно, подпитываемая энергией собравшихся. Ее манера говорить напомнила мне Ли. И я не сомневалась, что браслет, который она сняла с запястья, нарушая тем самым закон о браслетах, и которым теперь размахивала перед толпой, был сделан из золота.

Уличное прозвище, закрытое лицо, беснующаяся толпа – все это навело меня на мысль, что над нами нависла реальная угроза.

– Возможно, нам стоит что-то предпринять?

Дак нахмурился:

– Предпринять что? У нас нет драконов...

Но тем временем некоторые из собравшихся начали обочиваться в сторону пекарни на другой стороне площади. Витрина была закрыта, но граждане начали со всей злостью колотить в стекло, в двери, выкрикивая: «Хлеба всем!» Дак, чья семья владела пекарней в другом районе, прикусил губу, завидев это.

– Мы должны предупредить городскую стражу. Они вмешаются, если толпа не разойдется.

Сообщив в ближайший караульный пост, мы направились во Дворец через Хаймаркет.

– Не возражаешь, если я заскочу к родителям?

Я не спросила зачем. Рядом с пекарней его семьи никого не было, и она была закрыта на перерыв. Протестующие сюда не добрались. Концентрация ремесленников из бронзового сословия и золотых покупателей Хаймаркета с другого берега реки сделала это место наименее склонным к волнениям обитателей нижнего берега. Когда мы, пригибаясь, вошли внутрь, чтобы поприветствовать его семью, миссис Саттер обняла меня, оставив следы от муки на моей форме, а мистер Саттер поздравил меня с назначением. Но когда миссис Саттер спросила, останемся ли мы на чай, Дак покачал головой:

– Прости, мам, нужно вернуться до заката.

Заметив мой удивленный взгляд, Дак достал из кармана конверт и протянул мне, а затем обнял родителей на прощание.

Это официальное разрешение на смену дислокации от Военного Совета. Крисса сюр Федра и Дориан сюр Керта вылетают сегодня вечером.

Судя по дате, Дак получил его сегодня утром, прямо перед тем как предложил мне отправиться в Чипсайд вместо Ли.

Слова протеста рвались наружу: о том, что я просила Лотуса стать партнером Криссы вместо Дака, что Даку следовало рассказать мне об извещении, что мы впустую потратили время, слоняясь по городу и навещая его маму и папу, вместо того чтобы заниматься подготовкой.

А затем я поняла, почему он захотел провести этот день именно так, и к горлу подкатил ком.

– Передайте от меня привет Грегу и Мерине, – попросил Дак родителей. – И Ане, когда увидите ее.

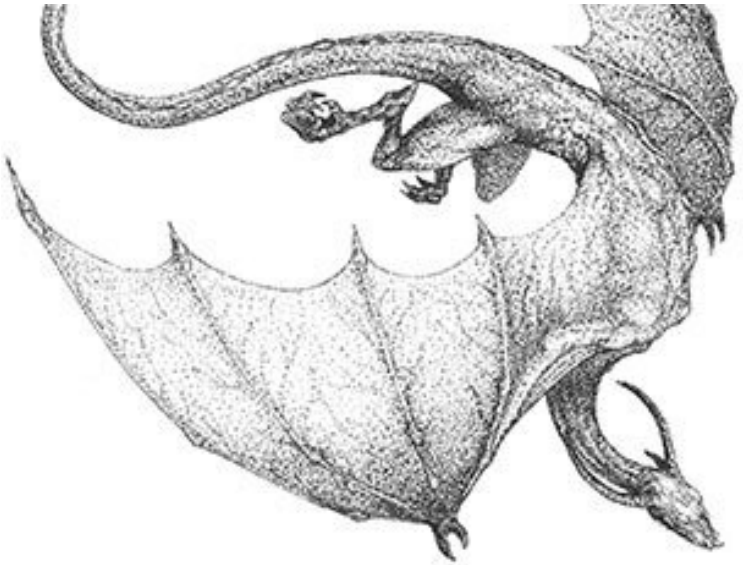
– У тебя все получится, – сказала я ему на крыльце.

Дак улыбнулся в ответ.

– Мне было очень приятно провести этот день с тобой, – ответил он. – Как в старые добрые времена.

6

Рукопашная

ГРИФФ

Изначально проблема со служением Иксиону заключалась в том, что я был хвастуном. Но, будучи детьми, мы все хвастались и играли на публику. Теперь же я четко понимал, что к чему. Теперь я не стану лишний раз выделяться. Ко-

гда после похорон Джулии тренировки возобновились, моим партнером вместо Делю стал Иксион, и я давал ему все, что он пожелает. Конечно, победы легкими не были, потому что Иксион любил побороться. Но я всегда позволял ему победить.

Я не дам ему не единой причины на то, чтобы скормить себя Нитеру. Не дам причин, чтобы Скалли снизил мою зарплату. Или чтобы кто-нибудь упоминал имя Агги.

Спаркеру это ужасно не нравилось. Да и мне тоже. Но это не имело значения. И потому, когда тренировка наконец-то подошла к концу, я поздравил себя с удачным первым днем службы у Иксиона и начал надеяться, что он тоже вырос из прежних игр.

До тех пор, пока мы не вернулись в драконьи конюшни, где Иксион сообщил мне о том, что Спаркера перевели в стойло рядом с Нитером. У меня перехватило дыхание, когда я увидел, что новое гнездо было гораздо меньшего размера, чем прежнее. Спаркер давно стал самым крупным драконом в нашем воздушном флоте, и для него сейчас было вредно такое ограничение свободы. Его крылья даже в сложенном состоянии упирались в каменные стены.

Иксион подошел к Спаркеру, чтобы застегнуть цепь, но Спаркер оказался не способен сдержать ненависть, которая передалась ему от меня. Он зарычал, вздымая гребень.

Иксион обернулся ко мне:

– Грифф?

Я протянул руку, хватая Спаркера за намордник. Внезапно меня охватил ужас, не за себя, а за Спаркера, и я попытался сделать так, чтобы он понял мои чувства.

– Подчиняйся. – Спаркер ощутил мой страх и начал вырываться.

Иксион наблюдал за нами с праздным удивлением.

– Если ты не в состоянии справиться со своим зверюгой, Грифф...

– Я держу его. Закрывайте.

Иксион прицепил железный поводок к наморднику и натянул его. Поводок стал короче.

А затем еще короче.

Гораздо короче, чем было у Дело. Поводок стал настолько коротким, что Спаркер упирался головой в пол. Мне передана вся его паника, когда дракон осознал, что происходит, и в ужасе взбрыкнул, а я в этот момент услышал свой голос:

– Прошу, не так коротко...

Иксион улыбнулся. А затем медленно ослабил цепь. Она сделалась длиннее, но все равно не настолько, как было у Дело, однако этого хватало, чтобы морда Спаркера не лежала на полу.

– Вот что произойдет, – сказал Иксион, – если кто-то из вас меня разозлит. Я понятно выражаюсь? – Я кивнул, и меня сотрясла дрожь.

Конечно же, Иксион не вырос из прежних игр. Он просто стал гораздо умнее и научился поступать так, чтобы все схо-

дило ему с рук.

Нитер зарычал в стойле рядом с нами, и Спаркер ответил ему, но стоило глазам Иксиона гневно вспыхнуть, как Спаркер затих. Он так сильно прижался ко мне, что я с трудом устоял на ногах, пятясь от Иксиона так далеко, насколько хватало длины цепи.

Мне отчаянно хотелось утешить его.

Но я не мог этого сделать, пока не закончу с Иксионом, и когда тот защелкнул замок на цепи Спаркера, я последовал за ним по винтовой лестнице в арсенал Грозových Бичей. Еще один слуга, Нолан, чистил доспехи полукровок Грозových Бичей в углу. Мы избегали смотреть друг на друга.

– Прежде чем ты вернешься в конюшни, – заявил Иксион, – я хотел, чтобы ты доставил письмо.

Он вручил мне незапечатанный конверт.

– Сегодня днем наш корабль отправится в Бассилею. Отнеси письмо на пристань и отдай капитану, сообщи ему, чтобы лично доставил письмо ей. О, и запечатай его, понял?

Будь на его месте любой другой господин, я посчитал бы за честь запечатать письмо, но я понимал, что Иксион в очередной раз замыслил унижить меня. Он хотел, чтобы я посмотрел на письмо, зная, что ни слова не смогу прочитать, а затем поставил его печать на конверт.

Ей. Он говорил о Фрейде, бассилеанской принцессе. Судя по всему, я держал в руках сообщение о смерти Джулии.

– Слушаюсь, мой господин.

Когда он ушел, я понуро опустил плечи. Нолан, до блеска начищающий доспехи полукровок, поднял глаза и улыбнулся мне:

– Ни единого упрека! Иксион подобрел.

Я застонал в голос:

– И как ты справляешься с тремя такими?

* * *

Из Каллиполиса начали доходить слухи, что наши нападения на торговые пути привели к тому, на что мы и рассчитывали: их продовольственные запасы истощились и бедняги наверняка голодали. Мое воодушевление было бы более сильным, если бы норчианцы не голодали постоянно. Приближалась зима, а Триархи-в-Изгнании не торопилась нанести новый удар. Радамантус, великий ученый-философ из рода завоевателей, пришедших на нашу землю, долго и нудно бормотал о необходимости заставить людей пожелать, чтобы их завоевали, и эта идея очень понравилась Иксиону, но я считал это полной чушью. Я сомневался, что кто-то из норчианцев порадовался, когда явился Таркуин Завоеватель и отправил всех в шахты.

Однако боевые тренировки продолжались, а Иксион, похоже, как и я, опасался того, что ему будет непросто затмить Джулию. Он был раздражителен в воздухе, стремился проводить боевые учения без помощи Нестора и, ко всему про-

чему, был резок с драконорожденными, задающими лишние вопросы.

Иксион, может, и был неплохим стратегом на земле, но не в воздухе, и он отлично это знал.

Возможно, именно поэтому он каждый день заставлял меня проверять, не пришло ли письмо из Бассилеи, хотя еще слишком рано для ответа. Как-то раз, когда в очередной раз направился в порт, я впервые с перевода на службу к Иксиону столкнулся с Дело.

– Грифф?

– Мой господин?

Откинув капюшон, он улыбнулся, и, хотя это казалось нелепым, у меня все внутри перевернулось. Только тогда я понял, как мне его не хватало. Мы стояли на открытой всем ветрам тропинке, петляющей по утесу вниз к порту, где едва хватало места, чтобы пропустить в сторону норчианского рыбака, катящего тележку с дневным уловом в сторону Крепости.

– У тебя все хорошо? – спросил он.

Этот вопрос показался мне не совсем верным, как того требовали правила непринужденной беседы двух знакомых, и я догадался, что речь об Иксионе.

– Так точно, мой господин.

– А как твоя семья? Как Спаркер?

Мы не разговаривали с Дело с похорон, и мне удавалось заставлять себя не думать о нем – почти не думать. Не срав-

нивать жизнь до гибели Джулии и после, потому что в этом не было никакого смысла. Но его вопрос сломал все мои тщательно выстроенные защитные барьеры. У Агги почти не осталось имбиря, а надежды достать еще угасали. Спаркер в крошечном стойле, сидящий на короткой цепи, съжившийся в тесных стенах, чувствовал себя беспомощным, а я, находясь рядом с ним в конюшне, чувствовал, как ему плохо. У меня сжалось горло.

– Мы справляемся, мой господин.

Дело больше не улыбался. Складка пролегла у него на лбу. Но он, похоже, не знал, о чем еще спросить, а я не знал, что сказать.

– Грифф...

Вот оно. Вот как все заканчивается. Годы моей службы у него оборачиваются молчанием и напряжением, пока мы оба стоим на дороге, не зная, как завершить встречу.

«А почему? Ты думал, что вы друзья? Ты был всего лишь его слугой, а теперь нет. Только и всего».

Я подчеркнуто учтиво поклонился ему и отправился дальше.

Прошло почти две недели с тех пор, как я перешел на службу к Иксиону, когда Триархи-в-Изгнании и Великий Повелитель объявили, что устраивают смотр воздушного флота. Смотры Триархов всегда пугали наездников смирения. Летаешь слишком хорошо – они недовольны, летаешь плохо – тебя ждет наказание. Однако стало совершенно ясно, по-

чему сегодня этот смотр не оставил равнодушным и Иксиона: это его первое выступление в качестве Первого Наездника. С бледным лицом и блестящими глазами, он сообщил мне о проведении смотра прежде, чем открыл замок на цепи Спаркера.

– Подведешь меня, и я укорочу его цепь на неделю.

Мое сердце заколотилось, и я острее ощутил чувства Спаркера, как нарастает его недовольство. Иксион не сводил с меня глаз, ища признаки всплеска эмоций.

– Слушаюсь, мой господин.

И как только Иксион вышел из стойла, Спаркер зарычал.

Вот почему мне никогда не удавалось сдерживаться. Потому что Иксион всегда вел себя подло. Я чувствовал ярость Спаркера, горячую и неистовую, шипящую, словно масло на огне.

Угрожай мне чем хочешь. Но угрозы Спаркеру – это уже перебор.

Когда мы приземлились на самой высокой балюстраде Крепости, возвышающейся над отвесными скалами северной части Нового Питоса, драконорожденные каллиполийского двора в изгнании и Великий Повелитель Радамантус уже собрались для проведения смотра. Большая часть флота уже взмыла в воздух, ожидая сигнала Нестора. Ветер расплющивал седые волосы наблюдающих за нами стариков, которые плотно закутались в меховые мантии, а их броши и браслеты сияли в серебристом свете.

– Что нам показать сегодня, лорд Нестор? – спросил Иксион, соскальзывая со спины Нитера.

– Я думал, ты сам решишь, что делать? – натянуто улыбаясь, ответил Нестор.

Иксион резко склонил голову, своими серыми глазами внимательно наблюдая за другими стариками, что сидели на балюстраде. Затем перевел взгляд на меня.

– Рукопашная. Наездники смирения против драконорожденных.

Наездников смирения в новопитианском флоте вполонименьше, чем драконорожденные.

Не говоря уже о такой мелочи, как намордники.

Единственная радость заключалась в том, что вспыхнувшие драконы были погашены для тренировочных боев. Я собственноручно вылил сегодня утром целый ушат воды на Нитера, едва не заработав укус. Тушение драконов означало, что если наездник смирения получит ожог, то лишь от струи пепла, а не боевого драконьего пламени. Такие удары были не опасны, они были не смертельны и не наносили серьезных ранений. Однако все равно причиняли сильнейшую боль.

Радамантус скрестил руки поверх мантии, а на лице Нестора читалось нетерпение. Но никто не возражает.

Я поклонился, стиснув зубы:

– Как прикажете, мой господин.

Оказавшись в воздухе, я взмахом руки подозвал к себе Брэна и Фионну, а остальные наездники смирения последо-

вали за ними.

– Рукопашная. Мы против них.

– Ты шутишь? Зачем...

– Идея Иксиона.

– Кто бы сомневался, – фыркнула Фионна.

– Хочешь, я возьму его на себя? – спросил у меня Брэн.

Ему не стоило уточнять, кого именно. Он предлагал принять ожоги, потому что Иксион славился ударами со всей силы, особенно против наездников смирения. Но меня все еще переполняла ярость из-за угроз Иксиона Спаркеру, и я покачал головой:

– Я справлюсь с Иксионом.

У Фионны округлились глаза:

– Грифф, ты ведь знаешь, что не должен...

– Я справлюсь.

Облака над нами сгустились, обволакивая карстовые колонны, вздымающиеся из морской глади. Под нами раскинулся порт, где торговые корабли и рыбацкие лодки сновали между Новым Питосом и Башнями Морьяка, а баржи перевозили руду с карстовых шахт.

Драконорожденные наездники веером расположились перед нами, а наездники смирения приблизились ко мне.

– Каким строем пойдем? – спросил Брэн.

– Ураганом. Возможно, удастся растянуться.

Брэн безумно захохотал:

– С удовольствием.

Стоящий на балюстраде Нестор взмахнул рукой, и, когда драконорожденные начали окружать нас, наездники смирения прижались друг к другу. Мы сформировали округлый конус: небесные рыбы выстроились в круг на верхнем уровне, грозовики – на нижнем, а аврелианцы замерли против часовой стрелки посередине, выставив вперед копья. Это защитное построение, которому мы обучались во время тренировочных боев, в расширенной форме применяемое во время воздушного нападения на Новый Питос.

Я находился на самом нижнем уровне вместе с двумя другими грозовиками, всего в нескольких метрах от морских волн и на одном уровне с мачтами торговых кораблей в порту. Облака сегодня висели очень низко, и над морем туман клубился, отчего видимость постоянно менялась и ближайшие карстовые колонны терялись в тумане.

Первыми в бой Иксион отправил полукровок, чтобы начать рукопашную.

Словно из ниоткуда появился серый силуэт: крылья дракона были сложены, а гребень – прижат. Наездник дракона, полукровка по имени Эдмунд, присел Брэню на хвост, и я резко налетел на них снизу, встречаясь с ними на противоположной стороне. Я воткнул копье в бок дракона, и они унеслись прочь под брань Эдмунда. Я победно рассмеялся.

– Спасибо! – выкрикнул сверху Брэн из аврелианского ряда.

– Поможешь в другой раз...

– Конечно.

И хотя наездников смирения было гораздо меньше, у полукровок не получалось прорвать переплетающиеся ярусы наших наездников. То, что не видели наездники на одном ярусе, хорошо просматривалось другим, и после того, как мы отгоняли полукровок копьями, Иксион отправлял на нас все новые и новые отряды.

– Отходите на дальнейшее расстояние, – скомандовал Иксион. – Начинается наступление драконорожденных Триархов. Чертов драконий огонь.

У меня над головой Роксана сюр Рора мчалась за Фионной, Дело сюр Гефира наступал на Нолана, чьи выстрелы пеплом были очень аккуратны, в то время как Иксион сюр Нитер приступил загонять в ловушку Брэна, пока мы, наконец, не уперлись в бок его дракона.

Дальнее расстояние могло все испортить.

Спаркер и Нитер вылетели из строя, вцепившись друг в друга, и мы, вращаясь в воздухе, начали падать в море. Волны Северного моря вздымались нам навстречу, и Спаркер заколотил хвостом по волнам, отчего соленая вода, вспениваясь, накрыла нас. А затем Спаркер выскользнул на поверхность, и мы, перевернувшись, увидели Иксиона.

Строй наездников смирения распался, а клубы холодного морского тумана затрудняли видимость для наблюдающих с балюстрады драконорожденных. Полукровка носилась вокруг Иксиона, стремясь присоединиться к нему, но Иксион

вздернул вверх кулак, ни на секунду не упуская меня из виду. Он отказался от помощи, чтобы лично расправиться со мной.

Отлично.

Когда мы сблизились, я принялся копировать его маневры. Когда он отскакивал в сторону, я отскакивал тоже; он делал обманный маневр, я тут же повторяю движение; каждое эксцентричное действие, которое всегда помогало ему в спарринге с другими, я отражаю словно в зеркале. Струи пепла, которыми он щедро награждал нас, были безвредны, как детские шалости. Взад-вперед мы носились над поверхностью моря, цепляя волны и отмахиваясь от морских брызг и тумана, который маячил перед забралами наших шлемов. Над нами нависали утес и Крепость, а под нами маячил порт...

«Позволь мне увидеть страх в твоих глазах».

Это все, чего я хотел. Жаждал этого момента – блаженного мгновения, – когда Иксион наконец-то осознает, что я играю с ним. Играю с ним перед всей правящей верхушкой этой преисподней.

А затем позволю победить.

Движения Иксиона от отчаяния становились все более хаотическими, и мы со Спаркером копировали их, отчего я испытывал неопишуемый восторг, ощущение власти, словно волшебный эликсир, растекающийся по моей крови. Вихрем кружась над водой, краем глаза я заметил, что с циклоном

было покончено, остальные наездники смирения повержены и остались только мы с Иксионом.

Подобное неповиновение всегда опьяняло.

Теперь мы кружили над портом, где виднелись торговые корабли, рыбацкие судна и баржи, нагруженные рудой из карстовых шахт. Когда Нитер задел хвостом бок траулера, раздался громкий треск, и матросы бросились врассыпную, а буревестники разлетелись по разным сторонам с негодующими криками...

Иксион, задыхаясь и потеряв остатки самообладания, резко потянул Нитера назад. Нитер практически полностью обессилел, и они начали спускаться вниз, где вздымающаяся волна нависла над ними.

И, воспользовавшись их замешательством, мы набросились на них. Спаркер выпустил когти, а я вскинул для удара копьё.

Копьё было направлено прямо в подшлемник Иксиона.

Иксион замер. Шлем скрывал его лицо, но я отлично представлял, какое у него сейчас было лицо. Он осознал, что я одолел его. И если бы я захотел, то проделал бы дыру в его подшлемнике.

И это все, что мне было нужно.

Я ослабил вожжи, совсем чуть-чуть, чтобы Спаркер почувствовал, что мы собираемся отступить. Этот момент всегда был самым трудным: и дело даже не в моем поражении, а в том, чтобы убедить Спаркера, что это было необходи-

мо. Именно в эти моменты я особенно сильно полагался на всплеск эмоций, на наши сплетенные воедино чувства, чтобы Спаркер мог сделать то, что казалось противоречащим его природе.

Спаркер втянул когти. Я убрал пику.

Нитер развернулся к нам, и хотя Спаркеру следовало бы увернуться или наброситься на противника в ответ, мы ничего не предпринимали. Воспользовавшись нашим промедлением, Нитер выстрелил.

Мой щит и огнеупорный костюм окутал пепел, столь горячий, что у меня перехватило дыхание.

Спаркер закричал под намордником зубами, силясь выстрелить в ответ, но у него ничего не получилось. Он с рычанием отступил.

Когда облако пепла рассеялось, я посмотрел мимо Иксиона. В серебристом тумане я заметил крылья двух небесных рыбок, возникших из облаков и мелькающих вокруг гигантских рук карстовой колонны Кракена.

Это были не наши небесные рыбы, и они явно наблюдали за рукопашной, а теперь торопились скрыться в тумане.

Шпионы Каллиполиса.

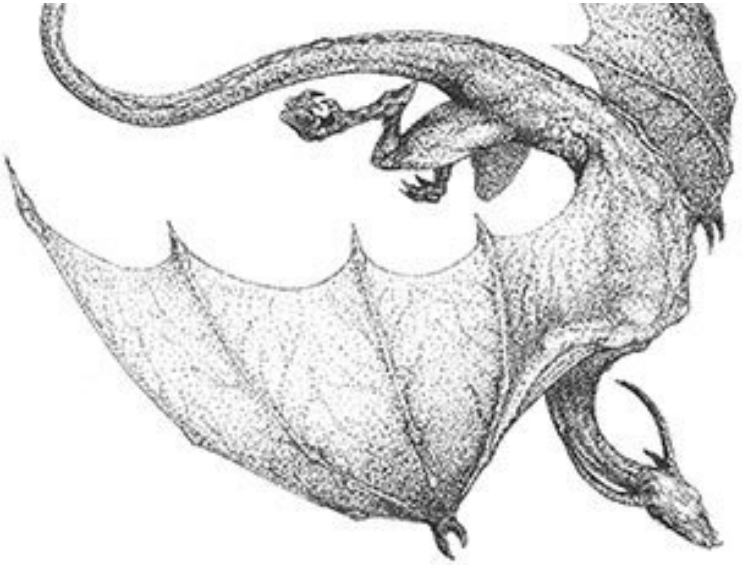
Я уже открыл было рот, чтобы сообщить об этом, но Иксион не дал мне и слова вымолвить:

– Ты всегда будешь никчемным куском деревенского дерьма.

И вот тогда я решил вообще ничего ему не говорить.

7

Чай с Защитником

ЭНИИ

В Лицее возобновились занятия зимнего семестра, и стражники должны были продолжить обучение по разным специальностям в ограниченном объеме. Я стала одной из немногих, кто не возражал против этого: я планировала

пройти заслуживающий особого внимания курс и с нетерпением ожидала, когда он начнется. Я в первый день семестра направилась на другую сторону реки, к Ученому Ряду, повязав шарф поверх горла своей мантии, чтобы защититься от пронизывающего ветра. В небе сгущались черные гроззовые тучи, и внутренний дворик казался на их фоне абсолютно бесцветным. Сейчас, когда Дак и Крисса улетели, я с трудом сдерживала себя, чтобы не поднимать постоянно голову к небу, надеясь увидеть на горизонте пару возвращающихся небесных рыб.

– Антигона! Я надеялась увидеть тебя за ланчем.

На ступеньках Лицейского клуба стояла Дора Митрайдс. Она по умолчанию продолжала говорить на драконьем языке, который как нельзя лучше подходил ее властному тону. Она махнула мне рукой из-под меховой накидки, подзывая к себе, а ее карета тем временем выезжала из конюшен.

– О, я перекусила во Дворце.

Доре невозможно было объяснить, что человеку вроде меня не рады в Лицейском клубе, который был официально открыт для всех представителей золотого сословия, но на практике там приветствовали исключительно посетителей высокого происхождения. Таких как Дора.

Дора фыркнула:

– Надеюсь, подношения во Дворце выглядят не столь жалкими, как в последнее время в клубе.

Сказочно богатая, патрицианка до мозга костей, Дора

принадлежала к тем представителям золотого сословия, которых пока почти не коснулись трудности продовольственного распределения, за исключением снижения качества ее привычных светских обедов в Лицейском клубе. Почтенная вдова происходила из одного из величайших семейств на Яникульском холме, владеющего крупной финансовой империей. У меня имелись все причины для неприязни к этой женщине, если бы она не была одной из тех, кто поддержал меня в противостоянии с Атреем, когда пришло время забирать Ли домой после поединка с Джулией.

Часы прозвонили четверть первого, и если этот разговор продолжится, я непременно опоздаю на первое занятие. Я переминалась с ноги на ногу и уже собиралась откланяться, когда Дора вдруг схватила меня за руку:

– Я хочу пригласить тебя на небольшую вечеринку, которую устраиваю завтра вечером, – поведала она. – Она пройдет в клубе. Вечер для стражников Четвертого Ордена и некоторых моих друзей.

Я часто размышляла о том, когда же это случится. У поддержки Доры была своя цена. Дора преследовала собственные интересы. И когда я поинтересовалась у нее, чем мы можем ее отблагодарить, она ответила: *«Своим будущим и будущим этого юноши»*.

Преемника Атрея будут выбирать представители золотого сословия, когда он решит, что стражники готовы для правления. Практически официально было заявлено, что канди-

датами среди наездников Четвертого Ордена были Ли, Пауэр, Кор и я.

А неофициально люди вроде Доры и ее друзей будут руководить процессом отбора.

– Все будет очень просто, – продолжила Дора, взмахнув украшенной драгоценными перстнями рукой. – Только несколько друзей из Яникульского Совета, кое-кто из Консультативного Совета Золотых. Атрей тоже там будет, я подумала, что неплохо было бы помочь ему заново сблизиться с юношей. Это шанс для нас всех узнать друг друга получше в приватной обстановке, так что не стесняйся, дорогая.

На моем лице, вероятно, отразился скептицизм по поводу этой затеи, потому что Дора хмыкнула:

– У тебя есть что надеть?

– Моя форма?

– Я опасалась, что ты так скажешь. Вот.

Кучер подал карету. Она взяла у него свою сумочку и достала сверток.

– Мне говорили, что стражникам запрещено владеть личным имуществом, поэтому считай, что это напрокат.

Мягкий пакет, который я держала в руках, был завернут в белую оберточную бумагу и перевязан бечевкой. Я спрятала его в ранец, а Дору тем временем усадили в карету.

– Почти забыла! – выкрикнула Дора в окно, когда карета уже начала отъезжать. – Давай сделаем все идеально, согласна? Возьми своих драконов!

Придя в аудиторию, я обнаружила в ней всего двоих человек: Пауэр сюр Итер, развалившийся за партой, и первокурсник из золотых, который смотрел на нас со смесью восхищения и ужаса. Мы были в форме Стражников, а поскольку весь город наблюдал, как мы с Пауэром участвовали в турнирах прошлым летом, первокурсник наверняка знал наши имена. Небо заволокло тучами, и сумрачный свет едва просачивался сквозь узкие окна, отчего в комнате почти стояла темнота.

– Не ожидал увидеть тебя здесь, Антигона, – отозвался Пауэр.

– Что ты здесь делаешь?

Пауэр пожал плечами. Он протянул руку первокурснику:

– Привет. Я – Пауэр, это Антигона...

Первокурсник пожал руку Пауэру, радостно урча.

Пауэр подвинул ко мне потасканный клочок бумаги:

– Видела?

Это оказалась рваная листовка, на которой был изображен четырехъярусный город – эмблема Внутреннего Дворца, а рядом с каждым уровнем был запечатлен разный кусок хлеба: самый длинный батон – рядом с золотым сословием, поменьше – для серебряных и бронзовых сословий и самый маленький ломоть – для железного сословия. Обратная сторона четырехступенчатого города. «Справедливого распределения каждому, – гласил текст листовки. – Каллиполис, объединяйся!»

Лозунг, который скандировала девушка в зеленом шарфе на площади Чипсайда, а народ к ней присоединился.

А внизу виднелась приписка: «Послание от Отверженных».

– Где ты это взял?

Пауэр махнул рукой в сторону пыльного окна:

– Они повсюду на улице. Городская стража изо всех сил старается, чтобы конфисковать все эти листовки, не говоря уж о том, чтобы отыскать печатный станок этих типов. Отверженные... ты слышала о них раньше?

– Нет.

Но была уверена, что видела одну из них: девушку в зеленом шарфе на площади.

Отверженные. Организованная группа протестующих, открыто заявляющая о себе. С претензией на помпезность при помощи слова «отвергнутый» из драконьего языка, означающего, что они оказались среди тех, кого признали подходящими для вступления в ряды стражников по результатам теста на пригодность, и если бы драконы не отвергли их, они бы стали править.

Беда.

Когда вошел профессор, я спрятала листовку в ранец, встав вместе с остальными.

– В этом году всего трое? Рекордно высокая цифра...

Профессор Сидни, возможно, был самым старым и самым высоким человеком, которого мне доводилось когда-либо

встречать. Ослепительно-белые волосы обрамляли его продолговатую голову. Войдя, он едва ли взглянул в нашу сторону и тут же принялся писать на доске, повернувшись к нам спиной.

– Нориш, – начал он, – вот что мы здесь будем изучать. Язык норчианцев, земли которых раньше назывались Норчия, а теперь – Новый Питос. Меня зовут профессор Сидни. Если вы ошиблись классом, можете уйти. – Он говорил на драконьем языке. Дрожащей рукой вывел на доске на драконьем языке слова «нориш» и «Сидни». И когда обернулся к нам, его строгий взгляд воткнулся в меня. Я узнала взгляд преподавателя, который не приветствовал присутствие студентов женского пола на своих занятиях. – Скажите, вы здесь учитесь? – спросил он.

Обычно форма стражников избавляла меня от столь вульгарного скептицизма, но Сидни, вероятно, не разглядел в тусклом свете мою форму.

– Нет. Я... учусь по соседству. – Пауэр закатил глаза.

Несколько мгновений в тишине раздавался лишь скрип мела. Затем Сидни заговорил, обращаясь к доске:

– Я побывал на Новом Питосе примерно в вашем возрасте, юный лингвист. Не при последних Триархах, а при тех, что правили до нее, при Аргусе Первом. Тогда у нас были неплохие отношения с полуаврелианцами. С другой стороны, коренное население... – Сидни взмахнул дрожащей рукой: – Норчианцы – неплохой народ, но крайне примитив-

ный. Они поклоняются своим карстовым колоннам, очеловечивая их, заявляя, что когда-то они были Нагом, Кракеном и прочими божками, и считают их своими клановыми символами. Они были слишком заняты междоусобными распрями, чтобы заниматься чем-то еще.

– Как наши горцы? – подсказал Пауэр, подмигнув мне.

Я подумывала о том, чтобы пнуть парту Пауэра, но первокурсник не отрывал взгляда от меня. Я вопросительно вскинула бровь, чем заставила его покраснеть.

Сидни по-прежнему смотрел на доску, кивая ей.

– Да, во многом как горцы. Они просто сидели на своих полезных ископаемых, пока не явились полуаврелианцы и не заставили их добывать руду. Никакой местной письменности, из-за чего мне самому пришлось все транслитерировать на каллийский. Никаких учебников, по которым можно было бы учиться, поэтому я написал свой. Именно им мы и будем здесь пользоваться. А теперь перейдем к знакомству...

Настроение Пауэра, казалось, улучшалось по мере продолжения занятия, и он искал все новые и извращенные способы выудить из Сидни новые фанатичные высказывания. Он вышел из аудитории с победной усмешкой, которая исчезла в тот же момент, как мы остались вдвоем в коридоре. Здесь было еще темнее, чем в классе.

– Могла бы и сказать ему, кто ты, – заметил он.

Мы наблюдали, как первокурсник торопливо удаляется прочь. Возможно, чтобы поскорее рассказать друзьям, что

учится в одном классе с двумя стражниками и профессором, который их не узнал.

– Или ты мог бы перестать подстрекать его?

– Но разве это было бы весело?

У нас с Пауэром всегда были разные понятия о веселье. Однако закоснелые предрассудки Сидни больше, чем что-либо еще, предоставили мне пищу для размышлений. В своей военной стратегии мы пока не сосредотачивали должного внимания на норчианском низшем классе Нового Питоса, и даже на грани войны их язык по-прежнему преподавал дряхлый профессор в классе из трех человек. Разве небрежные взмахи руками, которыми Сидни сопровождал рассказ об их культуре, не имели ничего общего с презрением драконорожденных к своему народу, простолюдинов, отнявших у них власть? Пауэр заговорил о горцах, собираясь подшутить надо мной, но это оказалось гораздо уместнее, чем он мог себе представить.

Вернувшись в Обитель, я обнаружила приглашение на дружескую встречу с Первым Защитником. От Миранды Хейн, Министра Пропанды. Сообщалось, что я была приглашена на чай в Каретном доме завтра днем, перед вечеринкой у Доры.

Прочитав приглашение, я поначалу решила не ходить. Но я узнала почерк Миранды Хейн. Именно таким почерком была написана записка, отправленная мне перед турниром Первого Наездника, но прочитанная уже после: «Покажи

им, на что ты способна». И она была одной из немногих, на чью честность я полагалась, вступая в противостояние с Атреем в Крепости.

И следующим утром я отправилась туда.

Как и стражники, Атрей занимал покои слуг прежнего режима, а его резиденция по-прежнему располагалась в небольшом, отличающемся простым убранством здании, примыкающем к Внутреннему Дворцу – в Каретном доме, названном так потому, что раньше это помещение предназначалось для обслуживания экипажей. Атрей содержал ограниченный штат прислуги, обстановка в доме была крайне скудна, а вестибюль, где меня попросила подождать, имел размеры чуть большие, чем мой кабинет в Обители, где единственное украшение – это гобелен времен бассилеанской войны. Голиафаны, материковая порода драконов, превосходящая по размерам драконов с островных государств Медейского архипелага, на фоне выцветшего вышитого неба сражающиеся с грозовиками и уклоняющиеся от дамианских гарпунеров. Бассилеанские войны распространились по всему морю и прилегающим к нему государствам.

– Антигона? Простите, что заставил ждать. Проходите.

Атрей лично поприветствовал меня в своей гостиной. Они с Мирандой сидели за небольшим чайным столиком. Миранда ободряюще улыбнулась мне, и я присела на один из обитых мягкой тканью стульев с прямой спинкой.

Нам никто не прислуживал, а потому Атрей собственно-

ручно налил мне чай.

– И так, – начал он, когда я взяла чашку. – Песнь 24.

И я мгновенно поняла, что он хочет поговорить об «Аврелианском цикле». И моем самовольном путешествии, чтобы вернуть тело Джулии.

Однако в его голосе не слышалось недовольства. Его экземпляр поэмы, знакомый мне по тем временам, когда он проводил занятия у Четвертого Ордена в прошлом семестре, лежал на столе между нами. На обложке книги виднелась стандартная печать Министерства, которой были отмечены все запрещенные материалы. Атрей лично одобрил запрет «Аврелианского цикла» ради сохранения политической стабильности. Однако это не отменило того факта, что он обо-жал эту поэму и знал ее наизусть.

– И это сработало?

Я кивнула:

– Я процитировала строки о безопасном проходе. Ново-питианцы... поняли. И обеспечили наше возвращение домой.

На лице Атрея появилась загадочная улыбка, словно он о чем-то вспомнил.

– Отлично.

И меня снова охватило странное и совсем ненужное тепло, как во время совещания Военного Совета: удовольствие от его одобрения.

«Этот человек пытался убить твоего друга. Дважды».

– Как лидер нашего народа, – заговорил Атрей, – я часто

раздумываю о том, как важно распознать в человеке талант. Как важно выносить непредвзятые суждения. После последнего заседания Военного Совета я долго размышлял о том, как это несладко. Именно об этом мы и беседовали с Мирандой. Как предрассудки старого уклада перекочевали в наше настоящее. Даже руководствуясь лучшими побуждениями, мы можем... разглядеть таланты только там, где нас учили их видеть. А иногда не замечаем там, где их быть, по нашему мнению, просто не может. Даже если талант сияет яркими красками прямо перед нами.

Я начала понимать, куда он клонит, и почувствовала, как меня захлестывают эмоции. Я опустила голову, не желая, чтобы Атрей это заметил.

Я знала, что он хотел от меня, – его намеки были настолько прозрачны, словно он произносил это вслух. Ли для него был потерян, и сейчас он активно искал нового союзника.

Но также я знала и то, что Атрей был не из тех людей, кто лжет и не выражает лишних чувств на публику. Он искал союзника, а его признания были абсолютно честны.

В моей жизни было немало преподавателей, подобных Сидни, и слишком много совещаний, вроде последнего совещания с Холмсом, которые недооценивали и игнорировали меня, а потому его слова показались мне живительной влагой, пролившейся на высохшую землю.

«Ли. Этот человек пытался убить Ли...»

– Поэтому, Антигона, я бы хотел извиниться. Ты неодно-

кратно доказывала, что обладаешь всеми качествами, которые я надеялся увидеть в истинном стражнике. Ты предана идеалам Революции. Готова пожертвовать собой ради них. Готова, одним словом, пойти на все ради достижения высшей цели. Конечно, между нами возникали моменты недопонимания, как часто случается у революционеров, что мы с Мирандой можем подтвердить, спустя долгие годы совместной работы, и моменты разногласий будут всегда. Но меня восхищает, как ты держалась во времена наших разногласий, как защищала справедливость. И хотя мы по-разному смотрели на происходящее, я убедился в том, что ты – образец того, как должен вести себя истинный стражник: думать самостоятельно.

Атрей склонил голову и улыбнулся:

– Надеюсь, я могу рассчитывать, что ты будешь поступать так и впредь.

Было что-то неистово страстное, почти уродливое в удовлетворении желания, которое я похоронила так глубоко в своей душе, что почти забыла о его существовании.

Я испытывала это чувство, глядя на записку от Миранды Хейн, которую прочитала после турнира, испытала его и сейчас, когда Атрей заверял меня в том, чего я уже и не ждала, о чем уже и не мечтала.

«Талант, который сияет яркими красками».

По возвращении в Обитель, прежде чем отправиться на вечеринку к Доре, я приняла горячую ванну, чтобы очистить

мысли. Мои волосы, наполовину сгоревшие во время турнира Первого Наездника, уже отросли, но были все еще достаточно коротки, чтобы их можно было высушить полотенцем. Я возвратилась в женское общежитие и развернула подарок Доры.

Внутри лежало черное шелковое платье длиной до пола, с широким и высоким горлом. Натянув его на плечи, я порылась в ящике Алексы в поисках зеркальца, которые были под запретом, а затем начала разглядывать свое отражение. Дора сделала правильный выбор: черный цвет подчеркивал цвет моих волос, а ворот платья сделал меня чуть старше.

«Ты обладаешь всеми качествами, которые мы надеялись увидеть в истинном стражнике».

В дверь постучали.

– Войдите.

Вошел Ли в парадной форме, совсем один. Его подбородок был чисто выбрит, а темные волосы – аккуратно зачесаны назад. Золотая отделка черной мантии и знаки отличия на форме сияли в полумраке комнаты, словно множество звезд. В таком облачении Ли всегда смотрелся особенно гармонично. Словно сошел с гобелена, на котором были изображены времена прежнего режима, и оказался в настоящем, готовясь принять командование и здесь.

Он оторвал взгляд от моего лица, и его взгляд медленно скользнул по моему платью. А затем он снова посмотрел мне в глаза.

И как только ему удастся вогнать меня в дрожь одним лишь взглядом?

А затем я вздрогнула от чувства вины, словно меня окатили ледяной водой, которая потекла по моей спине. *«Что он подумает, узнав, что последний час я таяла от комплиментов человека, который предал его? Будет ли это предательством по отношению к Ли, если теперь я держу спину гордо после слов, сказанных Первым Защитником?»*

– Ты готова?

– Я... да. Одну минуту.

Втянув голову в плечи, я непослушными пальцами пыталась застегнуть последнюю пуговицу платья. Ли приблизился ко мне. И, отведя мои руки в стороны, начал застегивать пуговицу сам. Я стояла неподвижно, чувствуя его невесомые прикосновения к моей шее, и, затаив дыхание, вспоминала...

Пуговица наконец была застегнута. Его пальцы поднялись вверх, упираясь в ожерелье.

– Ты по-прежнему носишь его? – Его голос прозвучал ласково. А у меня кружилась голова от одних лишь прикосновений его пальцев.

– Я всегда ношу его.

Ожерелье моей матери. Ли откопал его в земле у моего дома, когда мы отправились туда вместе и где я все ему рассказала. Тогда он застегнул его на моей шее так же, как сегодня, касаясь моей кожи.

Тот Ли внимательно слушал, мало говорил и сидел рядом. Он был готов пройти вместе со мной через огонь и воду.

Я обернулась к нему. Он подцепил пальцами ожерелье и, аккуратно приподняв его, опустил медальон на шелковую ткань платья со странным благоговением во взгляде. А затем его серые глаза вспыхнули, вонзаясь в мое лицо. Он смотрел на меня так, словно видит насквозь.

– Как все прошло в чипсайдской школе? – спросил он.

Именно тогда мы были вместе последний раз, вдруг поняла я. Когда он назвал нашу старую школу «какой-то начальной школой в Чипсайте», повернувшись ко мне спиной.

У меня перехватило дыхание.

– Все прошло хорошо. Директриса Дунбар все еще работает там, она спрашивала о тебе.

«Вы двое были неразлучны», – сказала она, и на меня нахлынули воспоминания, которые причиняли сейчас почти физическую боль: Ли, сидящий рядом со мной в классе или в столовой, сердито взирающий на каждого, кто осмелился косо посмотреть на меня, словно пес с гневно вздыбленной шерстью. Ли, сидящий напротив и сосредоточенно слушающий, как я от корки до корки читаю «Народную газету» в углу пыльной игровой площадки. «Неразлучны».

Ли кивнул, и я услышала, как он с трудом сглатывает. Когда он снова заговорил, его голос звучал хрипло:

– Я тут подумал, не хочешь ли ты полететь со мной на эту вечеринку. Раз уж нам сказали привести драконов.

Я не смогла скрыть удивления:

– Полететь с тобой?

Ли потер морщину на переносице и уставился на свою ладонь.

– В дамском седле, чтобы не испортить платье. Так... так делали мои родители.

Я могла на пальцах одной руки пересчитать, сколько раз Ли упоминал при мне о своей семье. На протяжении многих лет его прежняя жизнь была покрыта темной завесой. А в последние несколько месяцев, когда тайна раскрылась, между нами по-прежнему витала тень неведения о том, кем был Леон и что делал.

Его родители. Мать, носившая длинные платья и летавшая в дамском седле рядом с мужем. Повелитель драконов и его дама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.